

Начальный этап реализации всесословной воинской повинности в Пермской губернии нашёл свое отражение в работе А.А. Дмитриева [2]. Исследователем отмечен интересный факт, что первый призыв новобранцев, согласно Уставу о всеобщей воинской повинности, проходил в Перми осенью 1874 г., в присутствии флигель-адъютанта М.Д. Скобелева (будущего полководца и героя русско-турецкой войны 1877-1878 гг.). А.А. Дмитриев дал восторженный отзыв военной реформе 1874 г.

Достаточно интересная работа принадлежит перу бывшего председателя уездного по воинской повинности Присутствия И.М. Белоусова. Исследователь рассмотрел исполнение воинской повинности на территории Пермского уезда по данным призывов 1874-1885 годов. Работа содержит богатый статистический и этнографический материал о ходе реализации реформы 1874 года и является серьёзным источником о численном составе населения призывного возраста. По данным исследователя, в среднем ежегодно призывалось 1675 человек [3]. Благодаря научным изысканиям автора мы имеем представление о сословном положении призываемых, их вероисповедании, составе, семейном положении, грамотности, здоровье, занятиях и т.д. [3]. Вся информация, собранная автором, была занесена и отражена в статистических таблицах. К сожалению, ни в одном из изученных нами историографических источников нет ссылок на работу И.М. Белоусова. Между тем она может стать важным подспорьем для изучения хода военных реформ 1860—1870-х годов на территории Урала.

В советской историографии вплоть до начала 50-х гг. XX века не было серьезных работ непосредственно относящихся к истории военных реформ не только на Урале, но и в России в целом. Конец 40-х — начало 50-х гг. XX в., ознаменовались целым рядом интересных статей П.А. Зайончковского, а в 1952 г. вышла монография ученого «Военные реформы 1860-1870-х годов в России». Для нас его труд интересен тем, что в нём помимо общероссийского материала фрагментарно затрагивается проведение военных преобразований на Урале [4]. Историк осветил общую программу преобразований Д.А. Милютин и все военные реформы, растянувшиеся более чем на десять лет, охватившие различные сферы — комплектования армии, её вооружения и снабжения, организации военного управления — центрального и местного, постановку военного образования и воспитания, военное судопроизводство. Несомненно, исследователь не был свободен от официальных догм и требований, предъявляемых к науке. Его книга о военных реформах 60—70-х гг. XIX в. **открывается** множеством цитат из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Но, отдав дань этому «велению эпохи», он основательно излагал добротный материал, избегая идеологизации и тенденциозности, обеспечив книге тем самым долгую жизнь. До сих пор она остаётся самым крупным исследованием военных реформ 1860 — 1870-х гг. в историографии. Изданная в СССР в 1952 г., она была переиздана в 1967 г. в США на русском языке [5].

М.Д. Рабинович рассмотрел преобразования в области военного дела на территории Башкирии. Среди целого комплекса военных реформ 1860-1870-х гг. наибольшее внимание он уделил введению всесословной воинской повинности [6]. Учёный отметил, что хотя башкирское казачье войско было ликвидировано, в соответствии с Уставом о

воинской повинности, был сформирован Башкирский отдельный конный эскадрон численностью в 250 человек. В нём служили на своих конях башкиры Верхнеуральского, Оренбургского и Челябинского уездов, а в 1878 г. из башкир этих уездов был создан полк в составе четырёх эскадронов, просуществовавший до 1882 г. Вместе с тем на остальных башкир была распространена всеобщая воинская повинность, и они отбывали её в обычных воинских частях.

К сожалению, ничего не сказано о военных реформах 60-70-х гг. XIX века на Урале у авторов вышедшей в 1963 г. коллективной монографии «История Урала». В 1976-1977 гг. вышло 2-е издание этой книги, но и там вопрос о военных преобразованиях обойдён молчанием [7].

Неотъемлемой частью военных реформ 1860-1870-х гг. являлось развитие русской артиллерии. Н.Я. Пеньков и В.А. Косогов рассмотрели формирование и историю Оренбургской артиллерийской бригады [8]. Существенное внимание они уделили парковой службе артиллерии, включавшей в себя мероприятия для производства текущего ремонта вооружения, выполнения лабораторных и других необходимых работ по содержанию в исправности орудий, а также организации артиллерийских складов в Оренбургском военном округе. Учёные пришли к выводу, что качественные изменения в области материальной части оказали существенное влияние на развитие способов боевого применения артиллерии.

Коротко и лаконично проведение военных реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале осветила Г.А. Кулагина. Впервые, хотя и в тезисной форме прозвучал ответ на вопрос о том, какие же все-таки преобразования в военной сфере были проведены на Урале. Основное внимание историк уделила созданию военно-окружной системы и введению на Урале всесословной воинской повинности [9]. Г.А. Кулагина отметила, что введение всесословной воинской повинности оказало значительное влияние на горнозаводское население, ранее освобождённое от рекрутской повинности, способствовало росту грамотности и политической сознательности уральских рабочих и крестьян. Однако, по её мнению, принцип всесословной воинской повинности ни тогда, ни позже полностью осуществлён не был. В оценке военных преобразований на Урале Г.А. Кулагина следует за В.И. Лениным, который писал: «В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было, и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе» [9]. Несомненной заслугой историка является то, что она показала место уральских губерний в военно-окружной системе пореформенной России. В работе автора отмечается, что Вятская, Пермская и Уфимская губернии, а также Оренбургское и Уральское казачьи войска входили в состав Казанского военного округа. В уральских губерниях были образованы губернские по воинской повинности и уездные воинские Присутствия. Ещё одной особенностью в сфере проведения военных преобразований 60—70-х гг. XIX в. на Урале, по мнению учёного, была ликвидация военных сил горного ведомства, поскольку были отменены его административные функции, служившие в течение длительного времени опорой

и олицетворением военно-полицейского режима на горных заводах Урала.

Постсоветская историография военных реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале также незначительна. Вышедший в последние годы ряд работ по военной тематике затрагивает лишь частные и фрагментарные аспекты рассматриваемой нами проблемы. Обобщающей работы по военным реформам 60-70-х гг. XIX в. на Урале до сих пор не создано.

Введение всеобщей всесословной воинской повинности 1874 г. на территории Южного Зауралья рассмотрел В.Г. Савельев [10]. Военная реформа 1874 г. освещается им на фоне других либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. Ученый рассмотрел социальный состав призывников, вопросы распределения их в войска и ополчения, организацию и функционирование сдаточных пунктов для снабжения армии лошадьми. В Южном Зауралье введение всесословной воинской повинности, как и в целом по стране произошло в 1874 г. когда на базе уездных рекрутских Присутствий были образованы Курганское окружное и Шадринское уездное по воинской повинности Присутствия. Анализируя социальный состав призывников, историк отметил, что он включал все основные группы населения Южного Зауралья. По данным В.Г. Савельева, большая часть призывников приходилась на крестьян и мещан (95,14 %), и только 4,86 % призывников составляли купцы, служащие и дворяне. Кроме того, некоторая часть призывников воспользовалась правом «отбыть воинскую повинность без жребия, в качестве вольноопределяющихся». Лица, подлежащие призыву, участвовали в жеребьевке, которая направляла призывника в войска или зачисляла в ополчение.

В ряде работ последних лет существенное внимание уделяется развитию военного производства на Урале в контексте преобразований 1860–1870-х годов. Речь идёт о перевооружении армии. Программа перевооружения предусматривала в первую очередь замену гладкоствольного оружия нарезным: чугунных гладкоствольных артиллерийских орудий — стальными нарезными орудиями, кремневых гладкоствольных ружей — нарезными винтовками [11]. Наибольший вклад в разработку данного вопроса внесли Д.В. Гаврилов, С.И. Сметанин, И.В. Худякова, В.П. Шевелёв [12].

Реформу военного управления в Оренбургском крае в 60–80-е гг. XIX в. осветила Н.А. Семёнова [13]. Данная проблема ранее никем не поднималась. Изучение этого вопроса позволило историкам не только определить особенности и основные тенденции в становлении российского управленческого аппарата в Оренбургском крае, но и проследить влияние новых политических институтов на местное население.

В тезисной и лаконичной форме военные реформы 60–70-х гг. XIX в. рассмотрел Р.Т. Якупов [14]. Значительное внимание историк уделил личности Александра II и его роли в реформировании армии. К сожалению, о военных преобразованиях на Урале у него нет ни слова. Анализируя военные реформы Александра II, автор проводит аналогию с реформированием армии в наши дни, совершенно справедливо указывая на то, что опыт реформ второй половины XIX в. поможет глубже осознать и откорректировать проводимые ныне реформы Вооружённых сил Российской Федерации в начале нового тысячелетия.

В последние годы наблюдается всплеск интереса к военным преобразованиям 60–70-х гг. XIX в. у уральских историков. Об этом свидетельствует организация и проведение уральских военно-исторических чтений в Екатеринбурге, а также материалы региональных конференций различной направленности. Нас огорчает лишь то обстоятельство, что вместо того чтобы раскрыть какой-либо из региональных аспектов проводимых в 60–70-х гг. XIX в. военных реформ на Урале, подавляющее большинство авторов обращается к общероссийскому материалу, игнорируя краеведческий [15].

Составной частью военных реформ 1860–1870-х годов являлись преобразования в военно-учебной сфере. К.Л. Бусыгин рассмотрел историю создания военно-учебных заведений в Пермской губернии. Интерес представляет обращение учёного к открытию в 1869 г. Пермской военной прогимназии, в которой обучалось 200 воспитанников [16]. Он проиллюстрировал состав учащихся, перечень преподаваемых предметов и занятий вне классного времени. Кроме того, заслуживает внимания обращение исследователя к судьбе выпускников прогимназии после её окончания и констатация того, что по царскому указу в 1872 году военная прогимназия была закрыта.

Краткий и отрывочный материал о военных преобразованиях 60-70-х гг. XIX в. на Урале содержат научные изыскания Р.И. Хафизовой. Ею затрагивается главным образом призывное обеспечение армии и образование военно-конских участков на территории Уфимской губернии [17]. Она отметила, что в крае насчитывалось 30 призывных участков и 183 военно-конских участка. Историк подчеркнула важность, своевременность и необходимость преобразований в военной сфере пореформенного времени.

Важным событием в отечественной историографии военной истории России стал выход коллективного труда В.А. Золотарёва, О.В. Саксонова, С.А. Тюшкевича [18]. В нём наряду с общероссийским материалом о военных реформах 1860–1870-х гг. содержатся отрывочные сведения по истории военных реформ на Урале. Учёные коснулись истории развития сталелитейного производства на Мотовилихинском заводе. Как известно, сталь, отлитая на нём, обладала высокими качествами. Она превосходила лучшие заграничные образцы по упругости и вязкости.

История военно-учебных заведений Урала в рамках военных реформ 60-70-х гг. XIX в. рассмотрена В.Н. Грасько [19]. По мнению историка, центром военного образования на Урале являлся Оренбург, длительное время представлявший интересы страны на Востоке. При этом он отметил, что военное образование в Оренбурге имело ярко выраженную специфику, так как Оренбуржье считалось территорией казачьей. Исследователь выделил три ключевых даты в реформировании военно-учебного дела на территории Южного Урала в период военных реформ 1860–1870-х гг. Во-первых, 1866 год, когда в ходе реформ, проводимых в России, кадетский корпус, существовавший в Оренбурге, преобразовали в военную гимназию. Во-вторых, 1867 год, когда в рамках тех же реформ в Оренбурге создаётся юнкерское казачье училище. В-третьих, 1868 год, когда в Оренбурге была образована военная прогимназия и с её устройством, по сути, завершилось реформирование военно-учебного дела на Южном Урале. Учёный

пришёл к выводу, что все звенья проводимых преобразований сложились в стройную систему и оказались последовательно представленными в Оренбурге.

Проведение и результаты преобразований в военной сфере в 60–70-е годы XIX в. на территории Башкирии изучил Н.И. Леонов [20]. Значительный интерес в работе ученого представляет его обращение к персонам, стоявшим у истоков проведения военной реформы 1874 г. на Южном Урале. Согласно воинскому Уставу 1874 г. уезды Башкирии были разбиты на призывные участки. Исследователь отметил, что от военной службы освобождались священнослужители всех христианских вероисповеданий, а также псаломщики, окончившие курс в духовных семинариях. Вместе с тем он показал, что правительство сочло излишним предоставлять освобождение от военной службы священнослужителям мусульманского и иудейского вероисповеданий. По подсчётам Н.И. Леонова, в Уфимской губернии в 1874 г. была призвана в армию лишь пятая часть годных к военной службе. Важное место в работе учёного занимают статистические таблицы, которые позволяют проследить ход военной реформы 1874 г. на Южном Урале в цифрах и фактах. Из них следует, что с введением всеобщей воинской повинности, башкиры наравне со всеми стали проходить военную службу в обычных воинских частях. Достаточно интересно выглядит попытка историка реконструировать внешний облик русского солдата последней четверти XIX в. на Южном Урале. Автором привлекается материал, содержащий информацию об обмундировании солдат и офицеров, а также об основных видах оружия того времени.

Подводя итоги историографического обзора литературы о военных преобразованиях 1860–1870-х годов на Урале, следует подчеркнуть её отрывочность и фрагментарность. Обобщающей монографии, в которой бы затрагивался весь Урал и проведение на его территории военных реформ 60–70-х гг. XIX в., до сих пор не создано. Наибольшее внимание учёными уделяется комплектованию армии после 1874 г., её вооружению и перевооружению, снабжению, частичное внимание уделяется организации местного военного управления и постановке военного образования и воспитания, игнорируется военное судостроительство и судопроизводство в крае в 1860–1870-е годы. Во многом остаётся открытым вопрос о значении военных преобразований 1860–1870-х годов для последующего развития Урала и его населения. Вполне закономерным может считаться ожидание обобщающей работы, так как, вне всякого сомнения, к этому есть определенные стимулы. Научный материал, наработанный историками по проблемам военных реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале, на наш взгляд, обозначил тот круг вопросов, который, с одной стороны, нуждается в более подробной разработке, а с другой — способен привлечь ученых к региональной истории военных реформ 1860-1870-х гг.

Библиографический список

1. Красноперов Е.И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем императором Александром II (историко-статистический очерк). Пермь, 1886. С.132-133.
2. Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г. Пермь, 1889. С.281-315.

3. Белоусов И.М. Пермский уезд по данным 12-ти призывов 1874-1885 годов к исполнению воинской повинности (статистические и этнографические материалы). Пермь, 1895. 63 с.

4. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 23-27, 81-82, 145, 150-153, 179, 237, 239, 246.

5. Захарова Л.Г. Пётр Андреевич Зайончковский // Портреты историков: Время и судьбы. Т.1. Отечественная история. М., Иерусалим. 2000. С.332-347.

6. Рабинович М.Д. Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.2. Уфа, 1959. С.156-167.

7. История Урала. Т.1. Пермь, 1963. С.273-279. То же. 2-е изд., перераб. и доп. Пермь, 1976. С.217-223.

8. История отечественной артиллерии. Т.2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Под ред. К.П. Казакова. М.-Л., 1966. С. 97-100, 111-112.

9. Кулагина Г.А. Буржуазные реформы 1860 - 1870 гг. // История Урала в период капитализма. - М., 1990. С.61-68.

10. Савельев В.Г. Введение всесословной воинской повинности // История Курганской области (1861-1917 гг.). Т.2. Курган, 1996. С.272-279.

11. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII — XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. 528 с.

12. Гаврилов Д.В. Развитие военного производства на Урале в XVI — начале XX вв. // Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII — XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С.432-437. Сметанин С.И. Из истории Мотовилихинского артиллерийского завода // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С.130-134. Худякова И.В. Развитие государственной оборонной промышленности на Урале в пореформенные десятилетия XIX века // Страницы истории Урала: Сборник статей и информационных материалов. Вып.3. Пермь, 1998. С.44-54. Шевелёв В.П. Судьба пушек Каменского завода // Первые Невьянские Демидовские чтения. Екатеринбург, 2000. С.87-92.

13. Семенова Н.А. Реформа военного управления в Оренбургском крае в 60-80-е гг. XIX в. // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научн. конф. Ч.1. Екатеринбург, 1998. С. 343-346.

14. Якупов Р.Т. Военная реформа Александра II — опыт реформирования армии // Первые Татищевские чтения. Тезисы докл. и сообщ. Екатеринбург, 1997. С. 86-89.

15. Гилёв П.Н. О сущности дискуссий вокруг реорганизации русской армии в период военных реформ 60-70-х гг. XIX в. // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С.12-13. Глотов С.Ю. Дневник Д.А. Милютин как источник по военной истории России второй половины XIX века // Там же. С.14-16.

16. Бусыгин К.Л. Создание военно-учебных заведений в Пермской губернии // Тезисы докладов научно-практ. конф. «Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI века». Пермь, 1997. С. 120-123.

17. Хафизова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. Уфа: Китап, 1999. 153 с.

18. Золотарёв В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М.: Кучково Поле, 2002. 736 с.

19. Грасько В.Н. Из истории военного образования на Урале XIX-начала XX вв. // Первые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2001. С.46-48.

20. Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60-70-х гг. в Башкирии. Уфа: Башк. ун-т, 1993. С.62-76.

КОНОВАЛОВ Сергей Сергеевич, ассистент кафедры историографии, методологии и теории истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.12.06 г.
© Коналов С.С.

Какие бы резолюции комитет ни принимал, какие бы вопросы ни ставил перед правительством, основным критерием для оценки его деятельности является объем реально сделанного в привлечении промышленности к работе на военные нужды.

Несмотря на то, что в состав комитетов на местах входили крупные фабриканты и заводчики, а руководство Центральным и областными комитетами находилось в руках известных всей буржуазной России лиц, все же в области своей экономической деятельности и распределения заказов местные комитеты имели дело преимущественно с мелкими и средними предприятиями. Крупные промышленные предприятия действовали самостоятельно, входя в прямые сношения с военными органами, получая заказы и авансы помимо комитетов или же непосредственно от Центрального комитета.

Центральный комитет привлек к работе на оборону около 1300 предприятий⁸. В конце августа 1915 г. Петроградский окружной военно-промышленный комитет, докладывая о первом двухмесячном опыте своей работы, сообщил, что им уже объединено 405 предприятий. Названные комитетом данные не заслуживают доверия. В отчете о деятельности Петроградского окружного комитета за первый операционный год указывалось, что до сентября-октября 1915 г. сам комитет «заказов еще не выдал», а только осуществлял наблюдение за заказами, выданными Центральным комитетом, который, конечно, за три месяца своего существования не мог привлечь четыре сотни предприятий. Очевидно, комитет включил в названное количество все предприятия, работающие на войну. Перед провинциальными комитетами стояла задача привлечения мелких и средних предприятий, так как большинство крупных предприятий уже работало на оборону. Из 1200 предприятий, бывших в районе деятельности Московского военно-промышленного комитета, 492 работали на оборону еще до организации комитета.

Печать военно-промышленных комитетов приводит многочисленные высказывания видных руководителей комитетов, которые заявляли, что комитеты объединяли непосредственно мелкую и среднюю промышленность⁹.

Правда, из общей суммы комитетских заказов значительная часть перепадала нескольким десяткам крупных предприятий, однако эта работа могла быть налажена и без них. Что же касается привлечения мелкой промышленности и части средней к работе на войну, то эту работу правительство сделать не сумело бы. Нужен был какой-то «помощник» и посредник. Таким «уполномоченным» казны по организации рассеянных мелких и средних предприятий и явились комитеты.

Таким образом, практическая деятельность комитетов заключалась главным образом в посредничестве между военным ведомством и частной мелкой и средней промышленностью в выдаче заказов и авансов и в организации ее работы на нужды войны.

В своей финансовой деятельности комитеты находились целиком в зависимости от казны; они жили за счет кредитов и субсидий, отпускаемых казной, и отчислений по заказам. Привлечение частных средств самой буржуазии имело место в порядке исключения. Вопросы экономической организации тыла разрешались Особыми совещаниями помимо комитетов. Но после организации

Особых совещаний представленные в них деятели военно-промышленных комитетов старались оказать воздействие на работу Совещаний в интересах промышленности. Являясь представителем российской буржуазии, комитеты часто обращались со всякого рода проектами и предложениями в правительство или в Особые совещания. Являясь центром мобилизации оппозиционных правительству сил, комитеты вместе с тем были органами, активно сотрудничавшими с правительством на базе той экономической политики, которая проводилась Николаем II.

Перейдем к выяснению вопроса о выполнении комитетами принятых заказов на оборону. Военно-промышленные комитеты настойчиво добивались передачи себе возможно большего количества заказов: вместе с ними комитеты получали авансы, часто оборудование, инструмент и материалы. Полученные заказы Центральный военно-промышленный комитет распределял между предприятиями сам или передавал областным комитетам. Уже в августе 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет принял решение о распределении авансов через областные комитеты в размере 25% от суммы заказа¹⁰. Позднее на комитеты было распространено общее положение о порядке расчетов, применявшихся в военном ведомстве по военным заказам, и максимальный размер аванса был увеличен до 65% от суммы заказа.

Одним из первых и больших заказов, полученных Центральным военно-промышленным комитетом от военного ведомства, был подряд на изготовление 6 млн 3-дюймовых снарядов. Заказы на изготовление орудий, пулеметов, винтовок и крупных снарядов комитеты не принимали. В первый период деятельности комитетов, до весны 1916 г., Особое совещание по обороне раздавало заказы широко и бессистемно. Уже в сентябре 1915 г. Зернов, руководивший механическим отделом Центрального комитета, докладывал о распределении им заказов на 61,3 млн руб. По вещевому отделу было выдано заказов на 19 млн руб., в том числе на подковы на 7 млн руб.¹¹ Из отчетов отделов видно, что по 1 ноября 1915 г. заказов было распределено на 185,9 млн руб.¹², причем распределение заказов между комитетами и частными лицами, т.е. заводами, остается в равной пропорции. Большой процент заказов, выдаваемых Центральным комитетом непосредственно предприятиям, объясняется, по-видимому, запозданием в организации областных комитетов. Ко времени созыва II съезда военно-промышленных комитетов (февраль 1916 г.) было роздано заказов на 230 млн руб., а выполнено на 2,3 млн руб., или всего на 1%¹³.

В 1916 г. выдача заказов широко проводилась лишь первые полгода, а начиная с середины года правительство по деловым и политическим соображениям начало сокращать заказы. Всего за 13 месяцев, с февраля 1916 г. по март 1917 г., военно-промышленные комитеты распределили заказов на 169,5 млн руб.¹⁴ Следовательно, если верить отчетным данным самих комитетов, общая сумма правительственных заказов комитетам со времени их организации и до Февральской революции достигает 400 млн руб. Весьма вероятно, что эта цифра является преувеличенной, во всяком случае, имеются и другие данные. Счетный отдел определил сумму заказов, прошедших через Центральный комитет на 1 августа 1916 г., в размере 320,4 млн руб.¹⁵ Эта цифра ближе всего к данным

отчетов. Наблюдательная комиссия Особого совещания определила стоимость всех заказов, данных военно-промышленным комитетам, на 1 мая 1916 г. в 261,4 млн руб., что составляло 3,29% от общей стоимости военных заказов, выданных по 1 мая 1916 г.¹⁶

Начиная с весны 1916 г. с заказами комитетам дело обстояло много хуже. Правительство «зажало» комитеты, и осенью 1916 г. они заявили, что им нечего делать, предприятия закрываются и т.д. Было бы наивно принимать все их заявления за чистую монету, но общая тенденция на сокращение заказов бесспорно была. Следовательно, общая сумма заказов до Февральской революции 1917 г. была около 350 млн руб.¹⁷ В пределах этой суммы протекала деятельность областных и местных комитетов и объединяемых ими предприятий. Значительная часть всех заказов приходилась на крупнейшие комитеты: Московский областной, Петроградский окружной, Ростовский-на-Дону и др. Московский комитет к 1 июня 1916 г. получил заказов на сумму около 93 млн руб., а выполнил — на 56 млн руб.¹⁸ Такое выполнение заказов являлось одним из лучших. Другие комитеты выполняли свои заказы значительно хуже. К концу 1917 г. Московский областной комитет получил заказов на 134 млн руб., из которых выполнил на 95 млн, или около 71%.

В пределах Московской области 348 предприятий из общего числа 1172 предприятий, работающих на оборону, исполняли заказы военно-промышленных комитетов. Большую часть своих заказов комитет получал помимо Центрального комитета, заказы которого в первом году деятельности составляли лишь 13%, а 87% составляли заказы ведомств.

Однако такие заказы имели лишь крупные комитеты со связями, имевшие доступ в Особое совещание или военные ведомства. Петроградский окружной комитет выдал заказов за первый год своего существования на 16,9 млн руб., из коих свыше 14 млн руб. (84,2% всех заказов) приходилось на артиллерийский отдел. Текстильный отдел раздал заказов на 1869 тыс. руб., или 11,2% от суммы заказа. Небольшая сумма приходилась на всякого рода иные заказы. Выполнение заказов на 1 февраля 1916 г. колебалось от 3 до 4% и только к 1 июня 1916 г. поднялось до 24,5%.

Не лучше обстояли дела с выполнением заказов и по другим комитетам. Это послужило поводом для интервью М.В. Родзянко, в котором говорилось о «бездействии» частной промышленности, в особенности в выполнении заказов на снаряды. Центральный военно-промышленный комитет выступил с защитой частной промышленности, указав, что последняя дает снарядов в 9 раз больше, чем казенные заводы. Медленная перестройка промышленности объяснялась им небольшим сроком, прошедшим со времени начала мобилизации промышленности, плохой работой транспорта, нехваткой рабочих рук и сырья, т.е. чисто объективными причинами¹⁹.

Таким образом, за первые почти два года деятельности комитетов на их долю приходилась лишь незначительная часть всех заказов военного ведомства, которая достигла, видимо, не больше 3-5% всех военных заказов, а учитывая фактическое выполнение заказов — не более 2-3%. Выполнение заказов комитетам шло медленно, намеченные сроки срывались, что вызывало естественное не-

довольство военного ведомства и вело к длительным объяснениям в Особом совещании по обороне. Среди причин невыполнения заказов Петроградский областной комитет указывал на недостаток рабочих рук, затруднения в приобретении металлов, оборудования, топлива, изменения в конструкции, малую финансовую обеспеченность мелких предприятий, неопытность многих из них в новом деле и, наконец, частный переход более опытных рабочих из одного предприятия в другое²⁰.

Положение комитетов в роли критиков политики правительства было более прочным, нежели в роли исполнителей заказов казны. В данном случае роли менялись: правительство, Особое совещание по обороне критиковали комитеты за невыполнение заказов в срок. Комитетам приходилось отбиваться, выдумывать «солидные» объяснения, говорить об отсутствии организованного тыла, о неудачной эвакуации промышленности, о недостатке кадров квалифицированных рабочих. Во всех грехах были повинны только агенты правительственной власти, а представители буржуазии оказывались в роли невинных агнцев.

На самом деле не все обстояло так. Буржуазия также была повинна в экономических неурядицах в тылу, в спекуляции, дороговизне, в сопротивлении элементарному контролю, в плохом выполнении взятых обязательств. Контроля за деятельностью областных комитетов почти не было. А.И. Коновалов больше надеялся на контроль со стороны организуемых заводских совещаний, т.е. организаций Особого совещания по обороне, нежели со стороны комитетских органов. По вине комитетских неурядиц размещение заказов сильно запаздывало. Так, на 1 марта 1916 г. местные комитеты не распределили 50% заказов на огромную сумму (30 млн руб.) на предметы артиллерийского снабжения.

После отставки военного министра А.А. Поливанова новый министр Д.С. Шуваев — бывший интендант, убежденный монархист — не мог являться «своим человеком» для буржуазии. Он проводил в Особом совещании строго правительственный курс, сообразуясь с требованиями Ставки и нового председателя Совета министров Б.В. Штюрмера. Правой рукой Шуваева вскоре стал его помощник, сенатор Н.П. Гарин — представитель служилой бюрократии.

Под их руководством Особое совещание начало проводить наступление на военно-промышленные комитеты, причем экономические вопросы переплетались с вопросами общей политики. Правительство стало ограничивать количество заказов Центральному военно-промышленному комитету или преднамеренно связывалось непосредственно с местными комитетами и отдельными предприятиями. Во второй половине 1916 г. количество заказов по ряду объектов сократилось. Военное ведомство не загружало полностью предприятия комитетов. Центральный военно-промышленный комитет, судя даже по «Известиям ЦВПК», занимался изысканием новых заказов, так как в перспективе было закрытие ряда предприятий из-за невозможности — за отсутствием сырья — перевести их на работу по обслуживанию тыла. Уже 13 июля 1916 г. заместитель председателя Московского областного комитета С.А. Смирнов указал в письме к А.И. Гучкову на сокращение заказов со стороны главных управлений Военного министерства и возможность остановки механического отдела²¹. В том же месяце М.А. Сиринов поместил в

«Известиях ЦВПК» характерную статью под заглавием «Борьба измором»²². В ней определенно указывалось о походе «кругов бюрократии» против общественных организаций и желании их взять измором, лишив правительственных заказов и заставив тем самым ликвидироваться. Сиринов предупреждал, что такая политика может привести к глубочайшему экономическому кризису.

На заседании бюро Центрального военно-промышленного комитета П.И. Пальчинский (в то время заместитель председателя механического отдела комитета) докладывал о стремлении военных органов выдавать заказы предприятиям непосредственно, а не через комитет²³. В проводившейся по указанию Особого совещания ревизии деятельности комитета буржуазия видела предлог для дискредитации общественных организаций. Сама ревизия, по мнению работника Центрального комитета М.А. Сиринова, была продиктована представителями «ненавистнических кругов нашего общества»²⁴. Нетрудно понять, кого имеет в виду автор.

Одновременно в печати комитетов появились статьи о необходимости приступить к демобилизации промышленности уже сейчас, немедленно. Некто М. Новорусский в статье «Начало демобилизации» писал: «Демобилизация уже является потребностью момента. Необходимо приступить к ней немедленно»²⁵. Если в июле 1916 г. постановка в печати этого вопроса являлась в известной мере пробой, проверкой отношения правительственных органов к комитетам, то в сентябре-октябре о демобилизации говорят уже серьезно и настойчиво. Так, Н.Н. Саввин объяснял сокращение заказов не только желанием ведомств обходиться без помощи общественных организаций, но и отсутствием в армии нужды в предметах, изготавливаемых комитетами; поэтому, заключал автор, «в новых заказах нет больше никакого смысла»²⁶. Таким образом, сокращение заказов комитетами диктовалось в какой-то мере и объективными условиями.

26 сентября 1916 г. вопрос о новых заказах и сокращении производства был поставлен на обсуждение Центрального военно-промышленного комитета совместно с представителями областных комитетов. В речи Гучкова указывалось на серьезный кризис, переживаемый комитетами из-за отсутствия заказов вследствие объективных причин — отсутствия нужды армии в работе этих предприятий. Правда, участники совещания не поверили заявлению Гучкова и еще меньше того остались довольны им. Отвечая на заданный вопрос, удовлетворены ли уже все потребности армии, Гучков подтвердил, что в отношении предметов, изготавливаемых комитетами, «по нашим сведениям, действительно достигнуто удовлетворение»²⁷. Признание Гучкова едва ли правильно отражает реальное положение дел; на том же заседании П.И. Пальчинский говорил о большом количестве предметов, которые могли бы быть переданы для изготовления военно-промышленным комитетам. Видимо, помимо политических причин, сокращение заказов было результатом конкуренции крупных предприятий с комитетами. Крупные промышленники легко добивались передачи заказов им, на что охотно шли и работники Военного министерства.

Н.Н. Саввин указал на совещании, что большая часть мастерских военно-промышленных комитетов может остаться без работы²⁸.

В ноябре 1916 г. на бюро Центрального военно-промышленного комитета обсуждался вопрос о судьбе мобилизованных предприятий в связи с окончанием ими заказов. Личное обращение Гучкова и письмо его к военному министру по этому вопросу не дали улучшения дела.

К поднятой Центральным комитетом кампании о недостатке заказов следует относиться весьма критически. Достаточно указать на факты другого рода. Одновременно с истерическими заявлениями о притеснениях в выдаче заказов прозвучал спокойный голос Н.Н. Саввина, заявившего, что по механическому отделу заказов не только достаточно, но что они из месяца в месяц увеличиваются. Начав с 2 млн руб. в апреле, количество заказов в августе поднялось до 8 млн руб., в сентябре превысило 10 млн руб., а на 1917 г. останется заказов на 25-30 млн руб.²⁹ Это заявление было сделано на том же заседании, где Гучков говорил об отсутствии заказов. Очевидно, заказов недоставало лишь для мелких предприятий определенных категорий.

Напряженная обстановка не разрядилась и в начале 1917 г., когда общее хозяйственное положение страны ухудшилось и военному ведомству приходилось заниматься металлом, перевозками, организацией продовольственного снабжения и т.д. Ряд новых заказов комитеты все же получили, но они по-прежнему продолжали настойчиво говорить о недостатке заказов. В печати писали о перспективе закрытия предприятий или же о переходе их на изготовление других предметов. Однако в прессе не сохранилось материалов о действительном прекращении работы на предприятиях военно-промышленных комитетов.

Таким образом, военно-промышленные комитеты не только не являлись монополистами в распределении военных заказов и не заменили деятельность правительственных органов, но и сами сильно зависели от правительства. Распределение всех военных заказов было сосредоточено в руках Военного министерства, и за эту функцию правительство крепко держалось. Даже в тех случаях, когда заказы передавались военно-промышленным комитетам, военное ведомство контролировало распределение заказов среди отдельных предприятий. Этот контроль и наблюдение стали мелочными и придирчивыми накануне Февральской революции по политическим мотивам. Военно-промышленные комитеты протестовали против них, но вынуждены были подчиняться.

Примечания

1. Третий Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов // Горнозаводское дело. 1917. № 26-27. С.160.
2. IX съезд представителей промышленности и торговли // Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. 1915. № 6. С.23.
3. Там же. С.24-25.
4. Известия Центрального военно-промышленного комитета (далее — Известия ЦВПК). 1915. 5 сентября. 4 августа «Положение» было утверждено правительством, а 27 августа — Николаем II.
5. Известия ЦВПК. 1915. 9 декабря. Сообщение А.И. Гучкова на совещании в Центральном военно-промышленном комитете 2 декабря. К концу 1916 г. в России существовало 224 военно-промышленных комитета. Рабочие группы существовали лишь в 16 областных и 42 местных комитетах (Дело Самарского военно-промышленного комитета // Известия ЦВПК. 1916. 8 декабря. Речь М.С. Маргулиеса).
6. Известия ЦВПК. 1915. 24 августа.

7. Там же. 5 октября.
8. Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т.11. 1940. С.164.
9. Деятельность Петроградского окружного военно-промышленного комитета // Известия ЦВПК. 1915. 29 августа; Совещание в Центральном военно-промышленном комитете // Известия ЦВПК. 1915. 9 декабря; Клопотов К. Итоги деятельности военно-промышленных комитетов за 1916 г. // Известия ЦВПК. 1917. 1 января.
10. Известия ЦВПК. 1915. 29 августа.
11. VI заседание Центрального военно-промышленного комитета // Известия ЦВПК. 1915. 26 сентября.
12. Отчеты отделов ЦВПК по 1 ноября 1915 г. Пгр., 1915. С.326.
13. Труды Второго съезда представителей военно-промышленных комитетов. Вып.2. Пгр., 1916. С.482.
14. Отчеты отделов Комитета к третьему Всероссийскому съезду представителей военно-промышленных комитетов в Москве. Май 1917 г. Пгр., 1917. С.168,185.
15. Доклад Счетного отдела Центрального военно-промышленного комитета 26 сентября 1916 г. Пгр., 1916. С.23.
16. РГВИА. Ф.369. Оп.4. Д.242. Л.86. Сравнительная ведомость.
17. Значительно меньшая цифра дается в сборнике «Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах)». М., 1925. Табл.49.
18. Погребинский А.П. Указ. соч. С.166.
19. Мобилизованная промышленность // Известия ЦВПК. 1915. 1 октября.
20. РГВИА. Ф.ЦВПК. Д.536.
21. К вопросу о заказах Московскому военно-промышленному комитету // Известия Московского военно-промышленного комитета. 1916. № 27-30. С.57.
22. Известия ЦВПК. 1916. 30 июля.
23. Там же. 4 и 6 августа.
24. Сиринов М.А. Правительственная ревизия общественных организаций // Известия ЦВПК. 1916. 6 августа.
25. Известия ЦВПК. 1916. 2 августа.
26. Сиринов М.А. Новые задачи // Известия ЦВПК. 1916. 29 октября.
27. Совещание представителей областных военно-промышленных комитетов // Известия ЦВПК. 1916. 1 октября.
28. Там же.
29. Там же.

КРЯЖЕВ Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.09.06 г.
© Кряжев Ю.Н.

УДК 947

А. П. ДОБРОНОВСКАЯ

Красноярский государственный
педагогический университет

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В 1900-1917 ГГ.

В исследовании освещается история образовательной, духовно-просветительной и благотворительной деятельности религиозных организаций на территории Приенисейского региона в 1900 — 1917 гг.: социальной помощи, благотворительности, духовной поддержки жителей региона. Показывается развитие идей христианского милосердия. Анализируются формы и методы работы в этой области, структура организаций, занимающихся деятельностью в данной сфере.

Религия в обществе выполняет комплекс задач по социокультурной регуляции общественной жизнедеятельности. Среди задач собственно духовного плана следует назвать упорядочение норм, ценностей, значений и знаний, которые вырабатываются в различных сферах деятельности, **через придание им особого сакрального значения.**

В дореволюционной России религия являлась носителем общечеловеческих нравственных ценностей, предлагала небесную санкцию национально-хозяйственных структур общества. Религиозные системы имели значительное число последователей, широкие возможности влияния на социокультурные процессы общества, разрабатывали практику духовной и материальной помощи нуждающимся. Для поддержания ста-

бильности социокультурной системы, стержнем которой было православие, Русской православной церковью повсеместно в регионах, в том числе и в Енисейской епархии, был создан ряд учреждений, призванных совершать милосердное служение. Учитывая низкий уровень образования и просвещения населения, экономически неустойчивое положение части прихожан, особенно переселенцев, Енисейское епархиальное руководство и духовенство епархии основное внимание в исследуемый период сосредоточили на таких общественно-социальных направлениях, как организация образовательной, духовно-просветительной и благотворительной деятельности.

В начале XX века Русская православная церковь, рассматриваемая в это время царской влас-

тью как часть государственного аппарата, выполняла образовательную функцию в обществе. В ведомство Святейшего Синода входила сеть масовых начальных школ для народа: школ грамоты, церковноприходских и учительских школ, готовящих кадры учителей из местного крестьянского населения. Церковь и правительство рассматривали эти образовательные учреждения не только как средство образования, но и социализации молодежи: поддержания церковной культуры, патриархальных и монархических настроений.¹

В Сибири этот тип школ поддерживался государством не только по причине признания за православной церковью прерогативы в деле воспитания подрастающего поколения, но и потому, что он был наименее затратным для правительства в силу небольшого числа общеобразовательных предметов и привлечения к учебному процессу духовенства. К январю 1916 г. в Енисейской губернии имелось 226 церковно-приходских школ, что составляло треть от общего количества учебных заведений. В рассматриваемый период улучшился качественный состав учителей общеобразовательных предметов, строились новые здания для церковноприходских школ, увеличились денежные поступления как из средств Святейшего Синода, так и из местных источников. Церковноприходские школы поддерживали школы, монастыри, волостные и сельские общества, приходские попечительства, частные лица, что подтверждало их востребованность в губернии.²

Христианское просвещение также осуществлялось через преподавание такого предмета, как закон божий в светских учебных заведениях, и представительство духовенства в составе губернского и уездного училищных советов. Архиереям и назначенным ими духовным лицам принадлежало право высшего наблюдения за религиозно-нравственным содержанием обучения.³

В миссионерских приходах с помощью школ проводилась культурная адаптация аборигенов в русскоязычной среде. Всего в 1913 г. в миссионерских приходах юга региона действовало 12 церковно-приходских и четыре миссионерские школы. Вся система школьного просвещения инородцев предполагала «просвещение религиозное, нравственное и умственное». Первоначальное просвещение инородцев осуществлялось на их родном языке, так как для народностей, чуждых христианского мировоззрения, школа имела, прежде всего, воспитательное, миссионерское значение. Она, кроме того, готовила из среды инородцев христиански настроенных учителей, а затем и миссионеров, так как без поддержки просвещенных кадров было бы трудно рассчитывать на прочные результаты.⁴

Однако движение страны по пути коренных социально-экономических преобразований, бурное модернизационное обновление и капитализация требовали перестройки школьной системы: усиление образовательной функции школы, разграничения светского и религиозного начал в воспитании народа. Вопрос о сохранении церковно-приходской школы вызвал оживленную дискуссию в российском обществе начала XX века. Он рассматривался в связи с планами церковной реформы 1905-1906 гг., в дебатах II и III Государственных дум. При поддержке правых и умеренных партий III Государственной дума, признавая полезность приходских школ в ликвидации неграмотности населения,

приняла с небольшими поправками проект о финансировании церковноприходских школ и дала Церкви значительные суммы на народное образование, с намерением позднее подчинить церковноприходские школы Министерству народного просвещения.⁵

Происходящие процессы в сфере народного образования и просвещения находили реальное отражение и на епархиальном уровне. Земских школ, как и повсеместно в Сибири, в Енисейской губернии не было. Поэтому значительное число крестьянских детей могло получить образование только в церковных школах, которые по данным однодневной школьной переписи 18 января 1911 г. составляли в Восточной Сибири 35, 4% от общего количества. В Енисейской губернии эти данные были несколько больше и на 1900-1907 г. составляли 58% от общего количества учебных заведений, что объяснялось активной деятельностью переселенческого ведомства. Наибольшее развитие церковные школы имели в сельской местности. В городе же в основном действовали школы министерства народного просвещения, лучше финансируемые и поддерживаемые городским самоуправлением. В 1907 г. из 34 красноярских школ только шесть принадлежали духовному ведомству.⁶

В то же время число официальных школ не покрывало потребности крестьян в приобщении к грамотности и получении их детьми первоначального образования. На рубеже веков число ходатайств об открытии школ резко опережало возможности и желание администрации развивать школьную сеть. По свидетельству директора народных училищ Енисейской губернии, в 1902 г. более 100 приговоров сельских обществ об открытии училищ осталось здесь неудовлетворенным. На громадную потребность народа в начальном образовании указывали сами местные органы власти. В период с 1898 г. по 1905 г. власти Енисейской губернии предложили обществам крупных селений высказать свое мнение об открытии там народных училищ. Были получены ответы из 79 сел, при этом жители 52 из них высказались не только за открытие школы, но и взяли конкретные обязательства по ее содержанию. Усиление интереса населения к народному образованию привело к тому, что к 1910 г. сельские и волостные общества Восточной Сибири содержали 11, 2% всех учебных заведений, хотя это обходилось им недешево. В целом эти данные несколько выше, чем в целом по России.⁷

Под влиянием роста народного самосознания и внимания общества к проблемам народного образования церковно-приходская школа в 1905—1916 гг. потеряла свои лидирующие позиции, усилилась тенденция к переходу от религиозной школы к светской. Добиться повышения уровня церковноприходских школ так и не удалось: не хватало топлива, учебников и учебных пособий, письменных принадлежностей, число обучавшихся в них составляло всего одну пятую часть от общего числа учащихся. Среднее духовное образование имели всего треть учителей. Было очевидно, что государственные, в первую очередь городские, и ведомственные школы в исследуемый период в Енисейской губернии получили наибольшее развитие. Они лучше финансировались и были лучше оборудованы во всех отношениях. Роль ведомства православного исповедания в образовании населения понижается еще больше, если брать для сравнения не число школ, а

число учащихся в них. В силу постановки образовательного процесса церковно-приходские школы имели меньшее в среднем на каждую школу число учеников. Енисейское епархиальное руководство, Епархиальный училищный совет критически оценивали состояние материально-технической базы церковноприходских школ епархии, уровень учебно-воспитательного процесса и предпринимали необходимые меры к их улучшению.⁸

Наиболее ощутимых результатов удалось достичь в области внешкольного образования и духовно-просветительской деятельности. Совместно с Енисейским Обществом народных чтений устраивались общедоступные лекции, беседы, духовные и богословские чтения, сложилась система распространения литературы религиозно-нравственного содержания. Просветительскую деятельность среди православных проводило Братство Рождества Пресвятой Богородицы, основанное в 1893 г. С помощью своих членов Братство осуществляло духовно-образовательную благотворительность по защите православной веры, правил христианского благочестия — создавало народные библиотеки и книжные склады, устраивало христианские чтения. На базе церковно-приходских школ работало около 100 отделений братства святителя Иннокентия, Иркутского Чудотворца, где проводились народные чтения, воскресные классы и повторные занятия. Нередко при подобных учреждениях организовывались народные церковные хоры, содержавшиеся на средства богатых меценатов. Так, в г. Минусинске подобный хор содержал местный купец И. Ф. Зонин.⁹

Социальная работа велась епархиальными структурами, приходами и монастырями и могла иметь как сословный так и внесословный характер. С 1862 г. началась деятельность **Епархиального попечительства о бедных** духовного звания. Церковно-благотворительные общества существовали при всех духовных училищах. Они по уставу были благотворителями для многих своих учеников, происходивших из бедных семей. В 1915 г. возникло Общество взаимного вспомоществования учащим и учащимся в церковно-приходских школах. Внесословный характер имела деятельность епархиального Общества имени Святого благоверного великого князя Александра Невского.¹⁰

В конце XIX — начале XX веков были предприняты меры, оживляющие повседневную благотворительную деятельность. Она осуществлялась многочисленными благотворительными братствами, комитетами помощи, попечительствами, существующими при церковноприходских общинах. Приходские попечительства получили в Енисейской губернии наибольшее распространение, так как демонстрировали единение религиозной общины, действующей при храме, с сельским сообществом и поддерживали взаимоотношения с местными органами государственной власти. Здесь они стали распространяться с 1903 г., когда при Красноярской Покровской церкви усилиями прихожан было создано первое попечительство. По замыслу учредителей оно должно было стать центром общественной жизни и помочь прихожанам преодолеть трудности, вызванные изменением социального строя.

В попечительства входили представители церковной и гражданской власти. Особое значение для развития благотворительных функций прихода имело распространение этой системы в сель-

ской местности, так как большинство светских благотворительных учреждений находилось в городах. Особенно широко деятельность церковно-приходских попечительств была поставлена в Красноярском уезде, где они работали при всех церквях. С началом первой мировой войны в практику вошли приходские попечительные советы, которые объединяли усилия нескольких приходов и светских благотворительных организаций, имеющих те же цели. Это объединение являлось эффективным с точки зрения мобилизации денежных средств, координации усилий, равномерного распределения помощи.¹¹

В целях повышения авторитета православной церкви в этот период Святейший Синод поощрял повседневную благотворительную деятельность попечительств. В храмах собирали даяния для нуждающихся. Сбор пожертвований был распределен по всем годовым праздникам. Например, в первую неделю Великого поста собирали средства в пользу Комитета православного миссионерского общества, на Страстной неделе — в пользу пострадавших от неурожая, на пятой седмице — в пользу глухонемых детей и калек, на Крестопоклонной — для детских приютов Енисейского братства. Такой порядок оставался неизменным из года в год, только в военные годы добавлялись сборы в помощь пострадавшим.¹²

Стабильность социокультурной системы старообрядцев поддерживалась общинным институтом. Потребность удерживать в неизменном виде старые формы жизнедеятельности перед лицом таких серьезных противников, как государственная власть и Русская православная церковь, привела к созданию полностью автономных общин, организованных на конфессиональной основе, во главе со старостой и общинным советом. Большая дифференциация обязанностей и распределение их между верующими вели к значительной устойчивости старообрядческих сообществ и позволяли даже без духовного лица поддерживать жизнь прихода, а религиозно-нравственные нормы повседневной жизни сохранялись благодаря изоляции.¹³

Деятельность неправославных религиозных организаций в губернии также не ограничивалась собственно отправлением религиозных потребностей. Вокруг конфессиональных институтов концентрировалась вся жизнь верующих. Все культурные, просветительские, благотворительные, а нередко и политические мероприятия проводились под эгидой той или иной общины. Особое значение придавалось сохранению этнонациональных традиций верующих. Исповедание определенными этническими общностями одной и той же веры несомненно способствовало единению общества по национальному признаку, создавало предпосылки для взаимодействия представителей одной веры друг с другом.¹⁴

Примечания

1. Пинкевич В. К. Церковь и государственная политика в отношении образования в конце XIX — начале XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3 (27). М., 2001. С. 69 — 77.

2. Иванова Е. А. К вопросу участия церквей Енисейской губернии в просветительной деятельности (конец XIX — начало XX вв.). // **Церковь и государство: прошлое и настоящее**. Красноярск, 2001. С. 29 — 33.

3. Березовский Н.П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. Общие сведения. Красноярск, 1916. С.1, 2.
4. Отчет Красноярского Епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1913 г. Красноярск, 1914. С.3 — 7; Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1917; Персиянов Г., о. Из истории Енисейской епархии. //Журнал Красноярско-Енисейской епархии. Красноярск, 2000. С. 10 — 24, 27.
5. Шепелева Н. Д. Русская православная церковь в социально-политической истории России в начале XX века (на материалах Тамбовской губернии). Автореф. ...к. и. н. М, 2002. С.14.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 г. С.177; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Приложение №8; Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. С. 142, 143, 159, 160.
7. Зверева К. Е., Зверев В. А. Вклад русского крестьянина в развитие образовательного потенциала Сибири. 1861 — 1914 гг. //Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С.87 — 89; Зверева К. А. развитие потребности в просвещении у крестьянства Сибири (1861 — 1917 гг.). //Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири. Середина XIX — начало XX в. Новосибирск, 1997. С.57.
8. Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Приложение №8; Захаров В. Историческая справка по вопросу о народном образовании в Енисейской губернии. Красноярск, 1896; Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. Общие сведения. Красноярск, 1916. С.1, 2; Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. С. 142, 143, 159, 160.
9. ГАКК. Ф.297. Оп.2. Д.3. Л.13об, 16; Ф.674. Оп.1. Д.4782. Л.96об; Д.5004. Л.16об, 26; Оп.2. Д.94; Иванова Е.А. К вопросу участия церквей Енисейской губернии в просветительной деятельности (конец XIX — начало XX вв.) //Церковь и государство: прошлое и настоящее. Красноярск, 2001. С. 29 — 33.
10. ГАКК. Ф.674. Оп.1. Д.3099. Л.3; Д.3222. Л.54; Д.4782. Л.75; Приходское попечительство при Покровской церкви г. Красноярска. Красноярск, 1905; Персиянов Г., Из истории Енисейской епархии. //Журнал Красноярско-Енисейской епархии. Красноярск, 2000. С. 24, 25; Катцина Т.А. Приходская благотворительность в Енисейской губернии. //Церковь и государство: прошлое и настоящее. Красноярск, 2001. С. 17—20.
11. Катцина Т.А. Приходская благотворительность в Енисейской губернии. //Церковь и государство: прошлое и настоящее. Красноярск, 2001. С.17 — 20.
12. ГАКК. Ф.674. Оп.1. Д.3099. Л.3; Д.3222. Л.54; Д.4782. Л.75; Приходское попечительство при Покровской церкви г. Красноярска. Красноярск, 1905; Персиянов Г., Из истории Енисейской епархии. //Журнал Красноярско-Енисейской епархии. Красноярск, 2000. С. 24, 25; Катцина Т.А. Общественное призвание в Енисейской губернии (1822 — 1917). Диссертация ... к. и. н. Красноярск, 2002. С. 25, 26.
13. ГАКК. Ф.595. Оп.3. Д.3749; История религий в России. М, 2001. С.220; Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII — XX вв. Новосибирск, 1994. С.104 — 107; Стахеева Н. Н. Старообрядчество Восточной Сибири в XVIII — начале XX вв. Автореф. ... к. и. н. Иркутск, 1998. С. 22 — 27.
14. ГАКК. Ф.595. Оп.3. Д.343; 8060; Оп.13. Д.766; ГАНО. Ф.Р-1053. Оп.1. Д.229. Л.138 — 139, 210 — 211об; Аманжолова Д.А. Мусульманское движение в России в начале XX в. /Религия, церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень. №6. М., 1995. С.39 — 47; Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885 — 1919. Томск, 1999. С. 4 — 6.

ДОБРОНОВСКАЯ Анна Павловна, старший преподаватель кафедры религиоведения.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.06 г.
© Доброновская А.П.

Книжная полка

Бартлетт Р. Становление Европы: Экспанция, колонизация, изменения в сфере культуры. 950-1350 гг. / Пер. с англ. — М.: РОССПРЭН, 2007. — 432 с.

Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней / Пер. с англ. — М.: Весь мир, 2006. — 600 с.

Варьяш О.И. Пиренейские тетради: Право, общество, власть и человек в средние века. — М.: Наука, 2006. 451 с.

Васильев Л.С. Древний Китай: Т.3: Период Чжаньго. V-III вв. до н. э. — М.: Изд.фирма «Вост.лит.» РАН, 2006. — 679 с.

Диаспора: новые материалы: Т.8 / Отв. ред. О. Коростелев. — СПб.: Феникс; Париж: Athenaеum, 2007. — 789 с.

Дорофеев В. Сталинизм: народная монархия. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 399 с.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. — 2-е изд., испр. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2006. — 303 с.

Как известно, научная деятельность достаточно полно и адекватно отражена в первичном документальном потоке, то есть в публикациях, являющихся материализованным результатом этой деятельности. Комплексное изучение библиографических записей дает возможность выделить и рассмотреть семантическую, генетическую (авторскую, географическую, языковую, издательскую, видовую, хронологическую, организационную), структуры отраженных публикаций, а так же аксиологическую, позволяющую увидеть изменчивые ценностные и функциональные связи в среде однотемных публикаций. Тем самым создаются объективные предпосылки для фиксации среза не только в разработке той или иной проблематики, но и, опосредованно - для анализа самого научного сообщества. Тематическая структура публикаций, прорецензированных в журнале «Сибирские огни», позволяет нам представить историческую проблематику, разрабатываемую в 20-е годы XX столетия. Всего нами выявлено 685 рецензий, из них 252 — на исторические темы, что составляет 36,79% от общего числа.

Критико-библиографические материалы, представленные в журнале, отражают общие тенденции марксистской исторической мысли. Одним из магистральных направлений её развития являлось изучение истории революционного движения. Что касается проблематики, то мы видим, что история Октябрьской революции, гражданской войны и революционного подполья составляет 28,96% от общего числа прорецензированных «исторических» публикаций. Несколько в меньшей степени, но также достаточно постоянно привлекали внимание исследователей и другие события отечественной истории. Наиболее исследуемыми темами являлись социально - экономическая и политическая история в феодальную эпоху, аграрное развитие России к. XIX - н. XX в. (по 11,11%), движение декабристов (5,95%), каторга и ссылка (4,76%), революция 1905 года (3,17%).

Для рассмотрения обозначенных выше положений обратимся к одной из проблем - движению декабристов. Такой выбор обусловлен информационной насыщенностью и меньшей политической ангажированностью рецензий по этой теме. В 1920-е годы, в отечественной историографии выкристаллизовалось направление, связанное с историей освободительного движения, составной частью которого являлось движение декабристов. В 1923 году проходила дискуссия о сущности движения декабристов. В 1925 году отмечалось столетие восстания. Юбилей явился стимулом для изучения истории декабризма. В научный оборот вводилось большое количество архивных документов, публиковались статьи и монографические исследования.

Авторами работ о декабристах выступают не только сибирские авторы (М.П. Алексеев, Н. Байкай, С. Гессен, Б. Кубалов). В это время издается большое количество сборников документов, подготовленных различными научными учреждениями как общероссийского, так и регионального уровня, уделявшие в своей исследовательской работе большое внимание, одной из узловых проблем «новой» науки. Среди них: Центрархив, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-переселенцев, Томский краеведческий музей, Иркутский государственный университет, Иркутское губернское архивное бюро, Забайкальский

отдел Государственного Географического общества, Читинский государственный областной музей им. Кузнецова.

Изучение текстов рецензий дает нам возможность проследить востребованность той или иной публикации научным сообществом. Свидетельством широты и устойчивости интереса к проблеме являются данные о переизданиях. Так, например, «Записки И.Д. Якушкина» в 1926 г. выдержали седьмое издание (в том числе три нелегальных и три с 1905г., легальных); «Записки и письма декабриста И.И. Горбачевского» вышли в 1925 году вторым изданием. Обе книги напечатаны в серии «Библиотека декабриста».

Рецензия - специфическая форма передачи научной информации несущая критическое мнение об источнике научных знаний. Мы рассматриваем её и как своеобразную форму исторического знания, акцентируя внимание на содержании и авторском подходе к рецензируемому произведению.

Система критериев научности, которая сложилась в отечественной историографии второй половины 20-х годов, включала в себя определение вклада рецензируемого исследования в науку, - то есть оценка новизны, степень привлечения источниковой базы, а так же следование марксистским методам.

В 1926-1931гг. Центрархивом была осуществлена публикация следственных дел декабристов. Всего вышло шесть томов. В отзыве на IV и V тома, декабристоведа М.К. Азадовский, отмечая значимость издания для изучения «великой декабрьской эпопеи», писал, что с их выходом «будут налицо все важнейшие материалы» [9].

В 1926 году под редакцией одного из лучших знатоков русской поэзии пушкинской поры Ю.Н. Верховского был издан сборник «Поэты декабристы». Оценивая книгу, М.К. Азадовский отмечает, что до её выхода отечественная историография не располагала полным собранием стихов декабристов. Более всего это затрудняло изучение творчества неизвестных или малоизвестных поэтов из декабристской среды, таких как Н.С. Бобринцев-Пушкин, Н.Ф. Заикин, Н.А. Чижов [10].

Одним из требований к научному уровню исторических исследований является знание исторических источников, что нашло свое отражение в оценках работ. Характеризуя сборник «Декабристы на каторге и ссылке», подготовленный специальной юбилейной комиссией Всесоюзного общества политкаторжан М.К. Азадовский, акцентирует внимание на источниковой базе публикаций, которые, по его мнению, были интересны для изучения вопросов пребывания декабристов в Сибири. Обращаясь к статье П. Поповой «П.А. Муханов в Сибири» он пишет, что только юбилейная литература приблизила читателя к пониманию этого «примечательного деятеля декабристской среды», напряженная работа которого заслуживала внимания не только как факт личной биографии, но и как факт культурно - исторического значения [11].

Ввод новых архивных документов в научный оборот рассматривался в 1920-е годы в качестве одной из составляющих понятия научности и в этом - продолжение предшествующей исследовательской традиции. Профессор В. Огородников, анализируя сборник «Декабристы в Забайкалье», детально рассматривает источниковую базу. Он подчеркивает значение делопроизводственных документов, в том числе счетов по содержанию

«государственных преступников» для получения данных о количестве заключенных в разное время декабристов и состоящих при них жен, детей и вольнонаемных слуг, их материальном положении, особенностях административного надзора над теми, кто вышел на поселение [12].

Характерной особенностью рецензии является наличие внешних динамических связей. Обилие внутритекстовой библиографической информации расширяет коммуникационные возможности рецензии. Иногда это сведения только об авторе работы в контексте анализа персоны или аспекта проблемы. В другом случае, более развернутая информация, где указывается не только автор, название, но и издательство. Таким образом, мы можем говорить о наличии метайнформации, что дает определенное представление о степени разработанности проблемы.

В историографических оценках движения декабристов в 1920-е годы происходит смещение акцентов по сравнению с предшествующей традицией. В основу изучения была положена идея, выдвинутая М.Н.Покровским, центральное место в которой занимает Южное общество, Общество Соединенных Славян и восстание Черниговского полка [13]. Эта идея в полной мере нашла отражение в рецензиях и отзывах, на примере которых мы можем увидеть тот образ движения декабристов в целом и, отдельных участников восстания, в частности, которые формировались у читателей. В сводном отзыве на два тома из серии «Библиотека декабристов», М.К.Азадовский, объясняя причину переноса центра тяжести на Южные организации, пишет: Общество Соединенных Славян, во-первых, было демократично по составу; во-вторых, для членов общества были характерны республиканизм, атеистический материализм, революционный энтузиазм; в-третьих, только у Соединенных Славян в словоупотреблении встречается термин «демократия» [14]. Характеризуя Горбачевского и Якушкина, рецензент отмечает такие родственные черты натур декабристов как моральный ригоризм, стойкость во взглядах, нелюбовь к компромиссам, «настоящая революционность» (выражение М.Н.Покровского по отношению к Якушкину) [15]. Таким образом, уже в рецензии прослеживается героизация и мифологизация образов декабристов.

В последнее время среди современных историков наблюдается всплеск интереса к такому направлению интеллектуальной истории, как устная история. Отечественные историки занялись её разработкой около двадцати лет назад [16]. Однако, как видно из текстов рецензий, практическое применение методов устной истории началось намного раньше, чем она оформилась в самостоятельный раздел историописания. Информативна в этом плане рецензия на книгу «Записки Горбачевского», которая, по мнению рецензента, в историографии декабризма имеет выдающееся значение, прежде всего потому, что это не только личные воспоминания, но и критическая переработка ряда устных рассказов участников восстания [17]. Еще один автор, Б.Кубалов в своей работе помимо архивных документов, воспоминаний и переписки использовал устные источники [18]. Исходным материалом для одного из очерков («У могил декабристов») послужил опрос местного старожильского населения, в среде которого еще живы были современники ссыльных декабристов, а также обследование ав-

тором сохранившихся могил (к сборнику приложено 14 фотографий).

Библиографический текст может быть объектом изучения в целях получения фактографической информации. В частности, о взаимоотношениях декабристов и сибирского общества. В рецензии на книгу «Декабрист И.И.Пушкин. Записки о Пушкине и письма из Сибири», М. К. Азадовский пишет о сознательном вмешательстве декабристов в жизнь местного населения. Декабристы выработали в себе «...кодекс поведения изгнанников среди чуждого им общества» [19], основой которого было желание принести наибольшую пользу краю. Анализируя «Записки...», рецензент сообщает о новых, вероятно, не известных автору-составителю С.Я. Штрайху воспоминаниях сибирского художника и общественного деятеля М.С.Знаменского, который яркими и сочными мазками рисует фигуру Пушкина, начавшего свой жизненный путь с надворного судьи и, по словам современников, «сделавшего этот сан священным». В отрывке, приведенном М.К.Азадовским, Пушкин предстает перед нами в роли адвоката в г. Якутске: «После прибытия в город, все оскорбленное и униженное, охаживаемое и негодующее начало стекаться к нему... Убедившись, что дело, о котором его просят, законное или гуманное, он брался за него. И письмо за письмом летели как бомбы и, в конце концов, он поздравлял себя с победой» [20].

Изучение текста другой рецензии дает представление об общей литературной традиции первой половины XIX века. Речь идет о книге М.П.Алексеева посвященной А.А.Бестужеву [21], которая была положительно отмечена ещё до её выхода в свет профессором А.И.Белецким в вступительной статье к сборнику «Русский романтизм» (Л., 1927). Традиция введения в сюжет биографических намеков, личных излияний автора, унаследованная от лирической поэмы не могла не оказать влияние на творчество Бестужева вынужденного после осуждения изменить свое литературное имя. В своих работах, по свидетельству рецензента Б.Жеребцова, писатель старался дать понять читателю, что под псевдонимом «Марлинский» скрывается ссыльный декабрист Бестужев, известный критик 1820-х годов [22], который, несмотря на свое недолгое пребывание в Сибири, оказал огромное влияние на развитие местной литературы [23].

Таким образом, рецензии - это источники, по которым можно судить об этике, исследовательской практике и процедурах научного сообщества. Их изучение позволяет увидеть, как происходит восприятие или отторжение той или иной концепции, автора научным сообществом, от имени которого выступает рецензент. Рецензии - это не только специфический интеллектуальный образ публикаций. Они дают возможность реконструировать процесс постепенного складывания новой марксистской парадигмы в отечественной исторической науке в двадцатые годы прошлого столетия.

Библиографический список

1. Алаторцева А.И. Историческая периодика и преподавание исторической науки//Вопросы историографии высшей школы. Смоленск. 1975. С.8
2. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн.2:Журналистика и историографическая традиция в России 30-70-х годов XIX в.М.:Российск.гуманит.ун-т,1999. С.10-11.
3. Тамже,С.П.

4. Там же, С.122.
5. Зубов Ю.С. Библиография и художественное развитие личности: моногр. М.: Книга, 1979. 144с; Он же. Библиография как система свернутого знания//Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения.-М., 1981. С.23-40.
6. Вохрышева М.Г. Библиография в системе культуры. Самара: Гос. ин-т искусств и культуры, 1993. 126с; Она же: Теория библиографии: Учеб. пособие. Самара, 2004. 367 с.
7. Фокеев В.А. Ноосферно-культурологическая (когнитивная) концепция библиографии//Российское библиографоведение: Итоги и перспективы: Сб. науч. ст. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 688с; Он же: Природа библиографического знания. М., 1995. 351с.
8. Сибирские огни: литературно-художественный и общественно-политический журнал. Указатель содержания. 1922-1964. Новосибирск, 1967. 427с.
9. Сибирские огни. 1927. №5. С.232.
10. Сибирские огни. 1927. №1. С.232-234.
11. Сибирские огни. 1927. №2. С.245-247.
12. Сибирские огни. 1925. №6. С.200.
13. Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825-1925 гг.)//Историк - марксист. 1926. Т.2. С.246.
14. Сибирские огни. 1926. №1-2. С.244.
15. Там же.
16. Шумилов А.И. Формирование источниковой базы исторической науки Истпартами Сибири с использованием устной истории в 1920-1930-е годы//Документ в контексте истории: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. С.210.
17. Сибирские огни. 1926. №1-2. С.244.
18. Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири (Очерки к юбилею Декабрьского восстания: 1825-1925). Иркутск: Изд-во гос. арх. Бюро, 1925. 216с.
19. Сибирские огни. 1925. №4-5. С.249.
20. Сибирские огни. 1925. №4-5. С.249-250.
21. Алексеев М.П. Этюды о Марлинском. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1928. 64с (Оттиск из ХУ1 сб. трудов Иркутского ун-та).
22. Сибирские огни. 1928. №6. С.246.
- Там же, С.245.

БЕРНГАРТТ Тамара Викторовна, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности филологического факультета

Дата поступления статьи в редакцию: 08.12.06 г.
© Бернгардт Т.В.

□□□ 94 (430) «18» (051)

□. □. □□□□□□□□

□□□□□ □□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□

□□□□□ □□□□□□□□

□ «□□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□»

1839—1848 □□□□□

На примере статей журнала «Отечественные записки» — за период с 1839 по 1848 гг. — выделяются основные черты Германии, а также прослеживается трансляция (передача) представителями русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века на читательскую аудиторию сложившегося образа Германии.

Германия всегда занимала видное место в жизни каждого просвещенного человека второй четверти XIX века. Она всегда ассоциировалась со страной учености и мудрости, поэтому велико было влияние на формирование многих представлений и убеждений представителей русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века. Кроме того, если учесть близость России и Германии (и политическую, и династическую, и научную, и образовательную, и культурную и т.п.), по сравнению с другими западноевропейскими странами, становится важным определить: как воспринималась Германия представителями русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века, какие черты, качества, показатели привлекали, а какие вызвали возмущение, были чуждыми; что старались перенять, привнести на российскую почву, а какие качества отторгались, что заставляло смотреть на Германию как на «страну-образец», «Мекку ученых», чему можно

было подражать, а чего следовало избегать? Поэтому выявление представлений о Германии, образа Германии в богатом литературном наследии представителей русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века может способствовать и выявлению того влияния, которое оказала Германия не только непосредственно на этих представителей, но и в целом на российское общество, на российскую историю.

Высказывания представителей русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века о Германии многочисленны и разнообразны. В письмах, журнальных статьях отражаются самые разнообразные сферы жизни Германии: и политика, и экономика, и нравы, и быт, также очень часто встречаются описания природы Германии. Поэтому ее образ представляет определенную целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленную знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки

и т.п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т.п., причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа страны.

Во второй четверти XIX века наибольшей известностью и популярностью (в 1839 — 1848 годах) — и по высокому уровню печатавшихся статей, и по количеству подписчиков, — пользовался журнал «Отечественные записки». Этот журнал был очень разнообразен. В нем имелось восемь отделов: современная хроника России; наука; словесность и художества; домоводство; сельское хозяйство и промышленность, критика; библиография и смесь. В 1840 г. отделы наук и художеств объединяются, открывается отдел мод. Читатели могли найти в журнале изложение официальных документов, обзоры событий в отечестве, отчеты о выставках, статьи о русском языке и падающих звездах, стихи и художественную прозу, обширную библиографию. Журнал становится энциклопедическим. «Отечественные записки» оставались самым популярным изданием 40-х годов. Каждый номер журнала прочитывался не одним десятком человек, в том числе студентами, литераторами, чиновниками, семинаристами. Поскольку многие представители российского просвещенного общества помещали свои статьи, переводы, фельетоны, очерки и т.п. в «Отечественных записках», рассмотрим передачу (трансляцию) образа Германии посредством статей этого органа печати.

Наиболее ярко характеризуются страны — их общий уровень развития, образованность, достижения и т.п. — в разделах II. **Науки, VI. Критика и VII. Современная библиографическая хроника.** Во втором разделе, разделе «Науки», безусловное первенство принадлежит Германии — еще одно подтверждение о высоком научном статусе страны. На первый план, безусловно, выходит философия, которая в Германии в это время достигла пика своего развития. Так, о философии или представителях немецкой философии, из 12 номеров, говорится в № 1, 3, 5, 6, 11 — т.е. почти половина номеров журнала так или иначе затрагивает вопросы этой области знаний. Причем высказывания о немецкой науке, немецкой философии, личностях всегда носят восхищенный характер. Так, в № 5, говоря о Шеллинге, виднейшем представителе немецкой философии, в шестом номере — об Эдуарде Гансе, в десятом — об Александре Гумбольдте, имя которого «и без того уже европейское, или, лучше сказать, всемирное» [16, с. 83] и т.д. Повествуя о значительных научных достижениях Германии, авторы статей акцентируют внимание читателей на высоком уровне образованности в Германии.

Не менее показательную характеристику представляет седьмой раздел журнала — «Современная библиографическая хроника». В этом разделе дается общая характеристика литературы, как правило, в первом и последнем номере журнала того или иного года, а также ежемесячные обзоры и характеристики русских, немецких, французских и английских литературных произведений, вышедших в это время. Так, давая характеристику германской литературе за предшествующий, 1838 год, отмечалось, что «приступая к обозрению германской словесности за 1838 год, мы затрудняемся только количеством

вышедших книг. Эта неисчерпаемая бездна новых сочинений или новых изданий не допускает в тесных пределах журнальной статьи не только подробного разбора, но даже простого поименования их» [13, с. 71]. То есть количество изданных в Германии произведений за текущий период не поддается даже счету, простому перечислению. Причем эти произведения, как и подавляющее большинство немецких произведений, являются глубокомысленными, заставляющими задуматься, и заслуживают внимания и тщательного изучения.

В целом раздел журнала «Современная библиографическая хроника», очень четко и метко дает характеристики, в том числе, и национальных черт Германии, Англии и Франции. Так, Иван Иванович Панаев, «курировавший» раздел «Французская литература» на протяжении долгого времени, писал: «Какое множество прелестных книжек и книжечек!». Воскликает один из французских критиков, приступая к обозрению вновь вышедших во Франции романов, повестей и стихотворений: «Чудо! Посмотрите: обертки желтые, голубые *eleu de ciel* (фиолетовые. — *А.В.*), белые, все на веленовой бумаге; шрифт — загляденье; но что же делать с ними критику, когда эти разноцветные явления мимолетнее радуги, — когда уловить их нет никакой возможности, когда они умирают в самый час рождения?» И далее: «французский литераторы, по крайней мере наибольшая их часть, кроме врожденной им легкости в характере, поверхностном взгляде и шуточном изучении великих предметов разума человеческого, заразились еще общезной эпидемией века; они также ищут средств к обогащению себя и, соображаясь со вкусом толпы, выдают целыми дюжинами романы и повести, которые почти все носят на себе печать поспешности и, не заключая в себе ничего истинно изящного, умирают также скоро, как и рождаются. И подлинно, в огромных количествах романов, повестей и стихотворений, вышедших во Франции в конце минувшего и в начале настоящего года, может быть только три или четыре книги из числа тех, которые принадлежат собственно изящной словесности, останавливают ваше внимание и заинтересуют собою; все остальные ниже всякой посредственности» [20, с. 108]. Такая характеристика не только очень четкая, меткая, но еще и очень яркая, даже картинная. Франция, а с ней и сами французы, представляется, в противовес Германии, страной, которой важна внешность, внешний вид, не заботясь о содержании. Нам же, русским, как и немцам (и в этом наблюдалось сходство между нашими нациями), нужен, необходим смысл, содержание, текст, над которым надо думать и размышлять. Для нас не характерна французская поверхностность, французская шутливость и мишура и, как следствие, посредственность, недолговечность, фальшивость. А как результат подобного отношения французов к своей литературе, их запросам, единственное замечание по поводу французской литературы в 12-м номере журнала за тот же год: «Во французской литературе нет ни одной замечательной новости. Подождем до нового года» [24, с. 102]. То есть французская литература, как следствие ее поверхностности, представлялась безжизненной, не способной к деятельности и к жизни. Противопоставление литературы Германии — Франции очень ярко охарактеризованы и

А.И. Герценом: «Германия и Франция это Шлегель и Вильмен: Германия, мирно живущая в кабинетах и библиотеках, и Франция, толпящаяся в кофейных и Пале-Рояле; Германия, внимательно перечитывающая свои книги, и Франция, два раза в день пожирающая журналы» [10, с. 144]. Такие сравнения и сопоставления лишь подтверждают общее сложившееся представление, сложившийся образ Германии как страны ученой, мудрой, читающей, книги которой можно не только читать, но и перечитывать «до дыр, до пятен, до выпадения листков» [9, с. 337].

Подобного рода картина, сложившаяся во французской литературе, характерна и для литературы английской. Этот раздел находился «в ведении» разных представителей: здесь писали и П.П. Савельев, и А.Д. Галахов, и В.Г. Белинский, и К.М. Катков и др. В это время об английской литературе в «Отечественных записках» говорилось следующее: «английская литература, в противоположность немецкой, но подобно французской и другим литературам представляет теперь период кризиса в общепринятых мнениях и направлении — период более бесцветный, чем когда-либо, наполняемый грудой новых произведений, одно другого слабее, и не имеющий ни одного представителя с замечательным талантом, который бы был достоин памяти потомства. По смерти Вальтера Скотта, Годвина, Вордсворта, Фелиции Гименс, не осталось ни одного самобытного художника-литератора в Англии» [22, с. 74]. Такие сравнения, безусловно, говорят в пользу Германии, ее просвещенности и образованности. Здесь мы вновь видим трансляцию образа Германии не только как высокообразованной, культурной страны, но и как страны литературной и читающей.

Аналогичного рода высказывания о невысоком уровне развития литературы в Англии, по сравнению с германской в это время, подтверждаются и в других номерах журнала. Так, подобную характеристику мы видим в восьмом номере журнала за 1839 год: «теперь нигде нет менее творчества, как в Англии, и (исключая Германию) вряд ли где более работ усидчивых и добросовестных: изредка явится Бальзак с тощим романом, в котором вы займетесь изображением местности и времени и забудете о вымысле, — с повестью, где иногда, под прекрасным развитием характера, вы и не заметите того, что она не имеет никакой целостности или с драмой, которая может нравиться только до тех пор, пока автор на нее смотрит как на ряд сцен, дополняющих очерки исторических характеров; если же, не измерив свои силы, он начнет писать действительную драму, вы непременно бросите ее на половине книги» [23, с. 106]. Таким образом, даже малочисленную имеющуюся английскую литературу в это время читать было невозможно — настолько ее уровень был низок, настолько она была неинтересна, незанимательна. Возможно, это объясняется тем, что, как писал А.И. Герцен, «в Англии скучно живешь. Вечный парламент с своими готическими затеями, вечные новости из Ост-Индии, вечный голод в Ирландии, вечная сырая погода, вечный запах каменного угля и свечные обвинения во всем этом первого министра» [10, с. 149]. Поэтому и характеристика английской литературы на протяжении всего рассматриваемого периода остается на таком низком уровне, что подтверждается и малым количеством статей.

Наиболее ярко характер английской литературы раскрыт в 12-м номере журнала за 1839 год. Там говорится следующее: «Зима во всех литературах самое деятельное время года и самое обильное литературными произведениями. Новый год составляет обычную эпоху мелких творений изящной литературы; альманахи под тысячами названий, новогодники, кипсеки, подарки на новый год — толпами являются каждую зиму. Теперь они сделались необходимым украшением всякого порядочно мебелированного дома, особенно если еще хозяин или хозяйка его имеет законные или незаконные, форменные или действительные притязания на образованность. Английская литература всего более изобилует произведениями этого рода, если только можно отнести их к литературным произведениям. Искусство гравирования, дошедшее до высочайшего совершенства, краснота шрифта, исправность типографического дела, все спешит на помощь чахлым повестям и бедным стишкам, и вымалывается против воли снисхождение к этим эфемерным явлениям торговой и промышленной литературы» [24, с. 92]. То есть английская литература — только лишь предмет интерьера, украшение дома, подобно мебели; произведения английской литературы называются не иначе, как стишками, причем стишки бедные, не носящие никакой ценности, никакой информативности, тем более содержательности; повести в Англии в это время характеризуют как «чахлые», т.е. безжизненные, умирающие; и вся литература держится исключительно благодаря «явлениям торговым и промышленным».

Даже сравнивая альманахи и кипсеки, выходявшие в свет в конце 1839 года в Англии и в России (в которой возможности и условия типо- и литографий были, по сравнению с европейскими государствами, далеко не идеальны), предпочтение отдается, все же, российской «продукции» и именно потому, что в них есть содержание. Так, характеризуя альманах «Утренняя заря». За 1840 год, изданный В. Владиславлевым, В.Г. Белинский писал: «Альманахи г. В. Владиславлева ... являются задолго до Нового года, почти в одно время с английскими кипсеками, с которыми они могут поспорить и количеством и качеством своих гравюр, и которые далеко превзойдут достоинством своих статей. ... В кипсеках помещены не более как *миленькие* картинки (*курсив автора. — А.В.*), которых содержание взято из легоньких повестей и стишков, составляющих книжку и гравированных весьма неодинаково; но г. В. Владиславлев заказывал свои гравюры с картин, достойных названия истинно художественных произведений; так что, если он будет продолжать дарить публике подобными гравюрами, то со временем из альманахов его можно будет извлечь коллекцию картин, которые в малом виде составит превосходную гравюрную галерею. ... Что же касается до внутреннего достоинства статей, составляющих в нынешнем году альманах г. В. Владиславлева, то в этом отношении он далеко превзойдет не только английские кипсеки, но и немецкие альманахи, которые, никогда не отличаясь красотой издания, всегда имели на своей стороне перевес по своему внутреннему достоинству. «Утренняя заря» в нынешнем году соединила в себе не только знаменитые литературные имена, ... но и прекрасные статьи, под которыми подписаны эти имена» [5, с. 5]. Таким образом, главные и характерные ка-

чества наций в этих статьях проявляются очень четко - немцам и нам, русским (как общее) нужен смысл, суть; французам — вид, внешность; англичанам — стабильность, некая упорядоченность и размеренность жизни.

Не такую характеристику видим мы литературы немецкой. Представители русской интеллектуальной элиты транслируют, передают образ Германии на читающую публику посредством статей, наполненных не только сведениями и знаниями о стране, но и содержащих эмоционально-восторженные отзывы. Постоянно, за редким исключением, статьи о германской литературе наполнены яркими тонами, возвышенными словами, воодушевлением, радужными интонациями: «Мы всегда с удовольствием принимаем за обозрение сочинений в новейшее время выходящих в Германии. Между множеством книг обыденных, наполненных чем и как попало, есть такие, в которых найдется пища для ума и вкуса. Прочное, основательное знание, ученость, состоящая в многостороннем наблюдении над жизнью, всегда содействуют развитию изящной словесности и изящных искусств вообще. «Когда есть корень и стебель», говорит Гете: «листья, цветы и плоды будут». От этого в Германии поэзия идет об руку с наукой. Там, как и в целом свете, гении, подобно большим кометам, конечно, не всегда блистают на горизонте, но всегда бывает несколько человек с истинным одушевлением, которые призваны на землю, чтобы своими звуками воскрешать отраду в унывающем сердце, и цветами фантазии прикрывать бедную сущность» [8, с. 69]. То есть читаем немецкую литературу — всегда с удовольствием, потому что заранее знаем, что это чтение принесет нам только пользу. Необходимость образования стирается не только на область научных достижений, но и все виды искусств идут с наукой «рука об руку».

Столь возвышенная характеристика Германии, германской литературы не ведет в то же время к идеализации этой страны, отнюдь. Здесь вынашивается и «внедряется» в сознание читающей публики необходимость образования — повсеместного, всеобщего; необходимость глубокого, научного, классического знания — только так мы, русские, можем достичь тех высот, какие уже достигла Германия. «Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут нашими, мы ими поделимся с остальною Европою и весь долг наш заплатим ей сторицею» [16, с. 61]. И эта мысль красной нитью проходит через творчество и деятельность (литературную, научную, публицистическую и т.п.) многих представителей просвещенного российского общества второй четверти XIX века. В своих работах они акцентируют внимание читателей и слушателей на необходимости доступного, повсеместного, широкого образования. Свидетельством подобного рода деятельности являются жизнь, творчество, научная работа многих представителей российского просвещения. Достаточно назвать такие имена, как Герцен А.И., Огарев Н.П., Белинский В.Г., Грановский Т.Н., Анненков П.В., Неверов Я.М., Панаев И.И. и др.

Как уже отмечалось, на первый план в образе Германии выходит представление как о стране высокообразованной, культурной, высоко ценящей свои традиции и предания, страна литературная,

творческая. О «немецкой мудрости», как о всеевропейском достижении, говорят и пишут многие представители российского просвещения. Германию по праву называли «учительнице Европы» [21, с. 197], «золотым руном европейской науки» [11, с. 46], подчеркивали трудолюбие жителей, ее населенных, стремление чрезвычайно долго и усердно учиться у других народов, собирать свои знания, достижения буквально по крупицам. И именно поэтому ее университеты стали «центрами научной работы для всего света; в них стекаются слушатели со всех концов земли, и они служат образцом для высших школ в других странах» [21, с. 197]. Именно поэтому равняться нужно было в то время, прежде всего, на немецкие университеты, потому что это образцовые учебные заведения с высочайшим уровнем развития науки. Поэтому и «доучиваться», набираться «европейской мудрости» молодых российских ученых отправляли не в Англию, не во Францию, не в Испанию, а в Германию, т.к. «германские университеты образцовы, а испанские, например, никуда не годны» [12, с. 25].

Поэтому и образ немца, как представителя Германии, также наполнен подобного рода содержанием: «Немец молчалив и скромен; нескоро оживает разговор его; но ежели вы умеете его завлечь к беседе о любимом предмете его изучения — глаза его разгорятся, спокойное, бледное лицо оживится яркою краскою, и слова потекут, и вы услышите умную речь глубокого мыслителя, для которого наука — и цель, и труд, и отдых» [13, с. 61]. В этом высказывании нашли отражение главные черты немецкого ученого — его целеустремленность, его неутомимый, повседневный, кропотливый труд, и даже во время отдыха немец думает, мыслит, размышляет. Поэтому можно смело сказать, что немцы в то время были «самые компетентные и авторитетные судьи в деле университетского и гимназического образования» [12, с. 17], в деле просвещения, образования и науки.

Причем такие качества немцев как «цель, труд, и отдых» свойственны были не только немецкому ученому. Эти же черты встречаем мы и у писателей Германии. Для того, чтобы создать великое произведение необходимо, в первую очередь, талант. Но только таланта мало, необходима еще и деятельность, воля в исполнение, и самообладание. Только на этих трех основах: труде, воле и самообладании можно при таланте воздвигнуть прочное, художественное здание. Лучший пример этого — сам Гете: у него «все прочно, потому что он умел все поработить себе, даже самого себя» [7, с. 4].

Часто резкое противопоставление российской действительности, так ярко изображенной И.А. Гончаровым в «Сне Обломова», выступает необходимость действия и деятельности — как основополагающие принципы процветания и благополучия страны. Деятельность, постоянное движение — также черта образа Германии, которая складывается в процессе личного пребывания представителей российского просвещения в этой стране. Немец всегда деятельный, но не порывистый, не легкомысленный, напротив, трудолюбивые и глубокомысленные немцы: «Посмотрите (с этой точки зрения) на соседей наших, немцев. Что за деятельность! Какая великая умственная лаборатория!» [19, с. 207]. Причем зачастую пространственный аспект восприятия другой страны, в частности Германии, как бы растворяется, стирается, исчезает — очень часто мы встречаем высказывания о

немцах как о наших ближайших соседях — у «наших соседей» (про немцев), «в нашей Германии» [15, с. 4] и т.п.

Характеризуя взаимоотношения России и Германии, русских и немцев, В. Кантор, в своей работе «Русский европеец как явление культуры», справедливо отмечал, что «для России, намного дальше Германии отстоявшей от Европы, оторванной от нее исторически (татарским нашествием) и конфессионально, уровнем цивилизации, но вместе с тем искавшей путей возвращения в европейскую семью народов — при этом в качестве самостоятельной культурной единицы, — немецкий опыт приобретал особый смысл и значение. Германия и в географическом, и в практическом, и в духовном отношении была тем соседом, который способствовал проникновению в Россию европейской системы ценностей» [14, с. 203]. И это действительно находит отражение во многочисленных высказываниях представителей русской интеллектуальной элиты о том, что немцы — наши соседи, соседи ближайшие, иногда даже находят общие черты в национальных характерах русских и немцев.

Так, характерной чертой русских и немцев многими признавалась любовь к чтению — страстному, бессистемному, неконтролируемому. Давая обзор германской литературы в 1838 году, Губер Э.И. писал, что «жители нынешней Германии — книжная нация — когда немец без книги, — ему чего-то недостает. Наука сделалась в Германии достоянием самых нижних слоев общества; необходимая, повсеместная потребность чтения вызывает каждый год целые тысячи книг. Уединение домашней жизни, удаленность от политических смут, размышления и созерцания, столь свойственные германскому характеру, возбуждают и поощряют умственную деятельность по всем направлениям» [13, с. 62]. Подобного рода высказывания встречаем повсеместно. Например, в «Телескопе» Н.Надеждина, где начинали печататься многие представители российского просвещенного общества второй четверти XIX века, А.И. Герцен (Искандер) писал, что «Германия — вообще страна писания и чтения» [10, с. 146]. Именно этим объяснялись высочайшие достижения германского образования, германской науки и германской литературы. Сопоставляя, сравнивая и анализируя ситуацию в Германии с той ситуацией, которая сложилась к этому времени в России, представители русской интеллектуальной элиты неустанно говорят и пишут о необходимости преобразований в сфере российского образования, о необходимости глубокого, разностороннего образования, о недопустимости сиюминутных изменений, которые пагубно влияют на всю сферу образования.

Образ Германии включает не только представление о «немецкой мудрости», «учительнице Европы», «образцовости немецких университетов» и т.п. В образ Германии входит также представление как о стране с высокоразвитыми искусствами: и музыки, и поэзии, и театре, и живописи и др. П.В. Анненков отмечал, что в Германии вообще «на искусство смотрят строго и серьезно». И далее в том же письме передает свои впечатления от немецкого искусства, описывая мастерство германских художников и скульпторов: «И не воображайте, чтобы я вздумал описывать вам преславленную картинную галерею или так Называемый Зеленый Свод с королевскими драгоценностями. Вы хорошо пони-

маете, как следует говорить о них. ... Когда я очутился в этом музее, теплая кровь прилилась у меня к голове и сердцу, закружилась первая, застучало ретивое. Что за красота! Что за роскошь! Что за наслаждение!» [1, с. 32]. В этом высказывании обращают особое внимание слова автора о том, насколько изучена, знакома была Германия для представителей русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века.

В богатом литературном наследстве представителей русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века встречаем высказывания о самых разнообразных аспектах жизни Германии, влияющих на детализацию образа страны. Так, например, передавая свои впечатления о Германии, П.В. Анненков отмечает даже такую ее характеристику, как отсутствие преступлений: «Клеветники говорят, что в Германии случаются преступления: вы понимаете, как это мнение ложно и неприлично. С какой стати быть преступлениям в Германии? Чувствует ли здешняя особа последних 10 классов ревность — она пишет статью о ревности; хочет ли отомстить — рассуждение о чувстве кисти, вот и все» [2, с. 49]. То есть то, что в Германии случаются преступления — это ложь, вымысел «клеветников». Конечно, такая характеристика хотя и носит несколько идеализированный характер, но подобного рода высказывания типичны для этого времени.

На недостижимой высоте в то время для представителей русской интеллектуальной элиты была германская литература, оказавшая огромное влияние на формирование и становление личности каждого из них. Так, немецкая поэзия для Н.В. Станкевича была «родником эстетических впечатлений», вместе с тем поэзия Германии для многих представителей русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века сделалась «мерилом, на которое прикидывал каждый всю жизнь и собственное нравственное достоинство» [4, с. 25]. Поэтому немецкая поэзия во многом способствовала становлению личности, активной, деятельной, желающей и жаждущей перемен. П.В. Анненков, отмечая высокую значимость немецкой поэзии для людей 30-40-х годов, писал, что «теперь трудно и поверить, сколько обновляющих и исправительных начал принесла немецкая поэзия молодым людям 30-х годов, когда открылось у нас деятельное сближение с нею. Мечты юности были здесь воспитателями сердца и души; любой поэтический образ — нравственным представлением; вдохновенный афоризм — обязательным правилом для жизни. Пламенный стих Шиллера или Гете хранился как оружие на борьбу с своими и чужими эгоистическими страстями и передавался так другим. Поэма, роман, трагедия и лирическое произведение служили кодексом для разумного устройства своего внутреннего мира. Без преувеличения можно сказать в отношении К. Станкевича и его круга, что поэзия сделалась учительницей их, тем, чем она была с первого появления своего на свете» [4, с. 26]. Это восприятие поэзии, немецкой поэзии не проходит бесследно: яркие образы и впечатления, усвоенные нравственные и моральные нормы находят свое отражение в деятельности всех представителей просвещенного общества России во второй четверти XIX века.

Другой видный представитель русской интеллектуальной элиты второй четверти XIX века,

«весьма требовательный и весьма зоркий литературный критик» [4, с. 462], Василий Петрович Боткин, знаток и ценитель изящных искусств, всегда высоко оценивал различные виды искусства в Германии. Так, о музыке Бетховена он писал: «В музыке Бетховена не одно бесконечное стремление, а проявление абсолютного духа; он есть глагол того мира, в котором блаженство в духе стало достоверностью. ... Все чувства человека, всю бесконечность души его обнял Бетховен. Возвышенность, свобода и глубина, одушевленная торжественность, любовь с ее святою, тихою грустью и трепетным блаженством, величественная религиозность и краткое благоговение, стремление к бесконечному и вдохновенное пребывание в нем, - вот только, что я могу сказать о характере музыки Бетховена, а эти определения не исчерпывают и самого поверхностного взгляда на нее. Его величие уничтожает воображение и подает перед ним всякое мягкое, сентиментальное чувство, всякая болезненная, бессильная душа; рассудок не в силах следовать за ним, дух и фантазия восстают тогда и возносятся в мир идей, а в этой сфере чувство освобождается от бесконечного, неутомимого стремления, но исполняется сознательно полным блаженством; в этой музыке царство духа стало действительностью. Божественное величие, вечное торжество победы света над мраком выступает в Бетховене, но человек не только не уничтожается перед лучезарным светом их, напротив, внимая им, он сознает себя причастником этого незаходимого солнца духа, гражданином этого вечно блаженного царства» [6, с. 9]. Следует отметить, что столь высокие, возвышенные слова неоднократно встречаются в характеристике и искусств Германии, и ее науки, и страны в целом.

В образ Германии, как уже отмечалось выше, входит и представление как о стране высококультурной, ценящей свои достижения, хранящей свои традиции и предания. В «Отечественных записках» за 1839 год, в десятом номере, Я.М. Неверов передает читателям, высокие эстетические и культурные запросы немцев, в частности, берлинцев. Вот что он пишет: «В Берлине общество так зрело, что является в полном развитии всех своих элементов, следовательно и искусства; а потому сие последнее, не смотря на умеренное поощрение правительства и почти совершенное отсутствие богатых меценатов, питается и поддерживается искусственно самим народонаселением, ибо сделалось необходимою потребностью, условием жизни всего народа, а не отдельных лиц. Еще, кажется, не было примера, чтоб *настоящий* (*курсив автора*. — **А.В.**) берлинец разорился на картины и статуи, как то нередко случается в других землях; но зато каждый житель этого города непременно вносит лепту свою на благое дело прекрасного. Он не словоохотлив от природы, а потому не ждите, чтобы, даже при особенной любви к искусству, он стал бы щеголять перед вами техническими знаниями или высказывать вам свои пламенные восторги пред картиною или статуею, но войдите в любой дом, к только что не бедному бюргеру, и вы найдете одну-две порядочные масляные картины, выбранные со вкусом, кстати; найдете бюст или статую, не старика с старухой, размалеванных разными красками или качающую головой алебастрову кошку — но статую, достойную называться произведением искусства; берлинец столько образован, что даже при равнодушии к

искусству не потерпит у себя в доме ничего антихудожественного. Таким образом, эта всеобщая образованность, распространяя интерес ко всему полезному и прекрасному, следовательно, и к искусству, одушевляет последнее, заменяя ему и щедрость правительства, и отсутствие меценатов, и природу, и галереи, и неудобства жизни материальной — все...» [18, с. 6]. Передавая, транслируя подобные высказывания, представители российского просвещения стремились донести «свет» науки, искусства, культуры в российскую действительность.

Столь высокие высказывания устами представителей российского просвещенного общества характерны для этого периода. Они не являются отвлеченными, статичными, не являются констатацией такого положения дел в Германии. Соглашусь с мнением А. Станкевича, который писал, что «Молодые ученые были одушевлены верою в благотворную силу науки и надеялись воспитать в юном поколении слушателей разумных и преданных деятелей русского государства и общества» [25, с. 100]. Таким образом, в это время наблюдается стремление представителей русской интеллектуальной элиты (благодаря литературной деятельности в журнале «Отечественные записки») воплотить просветительские установки в российскую жизнь, в российскую действительность.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Письма из-за границы. Письмо III. IV // Отечественные записки. 1841. № 5.
2. Анненков П.В. Письма из-за границы. Письмо XI // Отечественные записки. 1842. № 7.
3. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
4. Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857.
5. Белинский В.Г. «Утренняя заря», альманах за 1839 год, изд. В. Владиславлевым. Второй год // Отечественные записки. 1839. № 1.
6. Боткин В.П. Итальянская и германская музыка. // Отечественные записки. 1839. № 12.
7. Гебгардт И.К. Фауст, соч. Гете. пер. Эдуарда Губера, 1838 года // Отечественные записки. 1839. № 1.
8. Германская литература // Отечественные записки. 1839. № 6.
9. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1. М., 2001.
10. Герцен А.И. Знаменитые современники. // Телескоп. 1831. № 10.
11. Григорьев В. Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве. // Русский архив. 1879. № 3.
12. Грингмут В. Наш классицизм. М., 1890.
13. Губер Э. И. Германская литература в 1838 году. // Отечественные записки. 1839. № 1.
14. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001.
15. Карове Ф.В. Новейшая германская живопись: Художеств. выставки во Франкфурте-на-Майне в 1836 и 1837 гг. Статья первая (Пер. и примеч. М. Н. Каткова) // Отечественные записки. 1839. № 8.
16. Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984.
17. Мельгунов М.А. Барон Александр Гумбольдт: Из писем записок. // Отечественные записки 1839. № 11.
18. Неверов Я. М. Современные берлинские скульптуры. // Отечественные записки. 1839. № 10.
19. Неверов Я. М. Германская литература // Отечественные записки. 1839. № 11.
20. Панаев И.И. Французская литература в 1838 году // Отечественные записки. 1839. № 1.

21. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. М., 1908.
22. Савельев П.С. Английская литература в 1838 году // Отечественные записки. 1839. № 1.
23. Савельев П.С. Английская литература в 1838 году // Отечественные записки. 1839. № 8.
24. Савельев П.С. Английская литература // Отечественные записки. 1839. № 12.
25. Станкевич А. Тимофей Николаевич Грановский. Биографический очерк. М., 1869.

ВАСИЛЕНКО Анна Анатольевна, соискатель кафедры «Отечественная история» Омского государственного педагогического университета, учитель истории и обществознания МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 149 с углубленным изучением отдельных предметов».

Дата поступления статьи в редакцию: 12.12.06 г.
© Василенко А.А.

□□□ 002.2 (571.621)

□. □. □□□□□□□□

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
□□. □□□□□-□□□□□□□□. □□□□□□□□

□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□

«□□□□□□□□□□»

В статье на анализе архивных и других материалов, изученных автором, освещается история выпуска общественно-политического и литературно-художественного альманаха Еврейской автономной области на еврейском языке (1946-1948 гг.).

Еврейская автономная область — один из субъектов Российской Федерации на дальневосточной окраине. В ней отразилось решение национального вопроса, создание еврейской автономии. В Биробиджанском проекте не только воплощались идеи национально-государственного строительства, земельного устройства трудящихся евреев, но и решались задачи формирования центра советской еврейской культуры.

В послевоенные годы руководство страны приняло меры по оказанию помощи автономии. Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1946 г. «О мерах помощи обкому ВКП(б) Еврейской автономной области в организации массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» предусматривалось издание в Биробиджане альманаха на еврейском языке. Вслед за этим 31 мая 1946 г. бюро обкома приняло постановление «Об организации областного издательства и издании альманаха» и присвоении литературно-художественному и общественно-политическому альманаху названия «Биробиджан». Перед утвержденными на бюро обкома редколлекцией и ответственным редактором Н. Фридманом была поставлена задача: выпустить первый двойной номер (1-2) к 15 июля 1946 г., обеспечив высокое качество материалов и полиграфического исполнения [1]. Альманах «Биробиджан» на еврейском языке должен был выходить 4 раза в год (ежеквартально) объемом в 6 печатных листов и тиражом 5000 экз.

В создании произведений об области, в том числе и для будущего альманаха, участвовали как местные авторы, так и приглашенные еврейские литераторы. Среди них был известный еврейский советский писатель С. Гордон (1909). Он уже жил продолжительное время в Биробиджане в 1930-х гг., написал о строительстве ЕАО серию очерков для газеты «Эйникайт» («Единение»), книгу рассказов о первостроителях «Патриоты» (1936 г.). В июне 1946 г. С. Гордон снова посетил область, чтобы

собрать материал для второй книги. В 1947 г. были написаны «Биробиджанские старожилы».

В том же 1946-м в Биробиджан приехал на постоянное жительство старейший еврейский советский писатель, переводчик Б.А. Слуцкий (1877-1949). Б. Слуцкий дружил с директором Киевского института еврейской пролетарской культуры при Украинской академии наук И.И. Либербергом (впоследствии председателем облисполкома ЕАО). Вместе они подготовили к печати несколько учебных пособий по изучению идиша. Прозаик, поэт, переводчик, автор многих публикаций по истории еврейского языка. В Биробиджане Б. Слуцкий работал заведующим отделом еврейской культуры в областном краеведческом музее, вел передачи на идише в областном комитете по радиовещанию. Работал над историческим романом о жизни еврейского народа.

2 августа 1947 г. в областной библиотеке им. Шолом-Алейхема состоялась встреча общественности г. Биробиджана с писателем Дер Нистером (Пинхас Каганович 1884-1950). В 1930-е гг. Дер Нистер уже посетил Биробиджан, создал очерки «Биробиджанские мотивы», «С переселенцами — в Биробиджан», репортажи и рассказы. Результатом новой поездки были очерки, репортажи, рассказы о жизни евреев-переселенцев. Печатал свои произведения в альманахе.

В сентябре 1947 г. в Амурзете (районном центре области) был устроен литературный вечер, посвященный творчеству недавно приехавшего в область советского еврейского поэта И. Керлера (1918). В Биробиджане он работал в газете «Биробиджанер штерн». Журналист, переводчик, возглавлял отдел поэзии, публиковал стихи на страницах альманаха.

Работали над созданием произведений об области и местные авторы. 25 августа 1946 г. на заседании редакционной коллегии альманаха «Биробиджан» писатель Б. Миллер читал свою повесть

«Биробиджан». В ней запечатлены картины строительства области, ее люди, рассказано об их участии в Великой Отечественной войне. Повесть была напечатана в первом номере альманаха. А с третьей книжкой альманаха к читателям пришла его пьеса «Он из Биробиджана». Ее события тоже связаны с Великой Отечественной войной, с переходом к мирному строительству. Пьеса вошла в репертуар Биробиджанского еврейского государственного театра им. Л.М. Кагановича. Она же стала поводом для ареста Б. Миллера. Ее посчитали проявлением националистических настроений автора.

Как бы там ни было, писательских талантов разного масштаба для создания произведений о Биробиджане и автономии было достаточно. Хватало и фактического материала для его творческого преобразования на страницах альманаха. Однако его издание осуществлялось с трудом. Выше отмечалось, что первый двойной номер альманаха должен был выйти в середине июля 1946 г. Но и полгода спустя выпуск не был готов. Об этом говорит следующий факт. Спустя некоторое время после августовского постановления ЦК ВКП(б) (1946 г.) и доклада А. Жданова состоялась **V областная партийная конференция** (январь 1947 г.) Ее сквозная тема была связана с усилением руководства идеологической работой. Но наряду с этим говорилось и о необходимости издания альманаха, его особом значении не только для области, но и для страны [2]. По всей видимости, первый сдвоенный номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Биробиджан» на еврейском языке увидел свет весной 1947 г. (хотя выходные данные на издании 1946 г.). Если до войны литературно-художественные журналы и альманахи на еврейском языке выходили в Москве, Минске, Киеве и в Биробиджане, то в 1948 г. альманах «Биробиджан» оставался единственным в Союзе литературно-художественным изданием на еврейском языке.

В связи с чем на 10 мая 1947 г. было назначено в Союзе советских писателей обсуждение 1–2 номера альманаха «Биробиджан». Бюро обкома приняло решение командировать для участия в назначенном обсуждении в Москву писателя Б. Миллера [3]. При Союзе советских писателей существовала в те годы постоянная комиссия для непосредственной связи с областными писательскими организациями («Комиссия по областным литературам»). В мае 1947 г. на заседании этой комиссии был заслушан отчет Б. Миллера о работе группы писателей ЕАО (Биробиджанская группа еврейских писателей в то время насчитывала семь прозаиков и поэтов: Б. Миллер, И. Эмиот, Г. Рабинков, Б. Слуцкий, С. Боржес, Л. Вассерман, И. Бронфман). На обсуждении было отмечено, что одно из основных достоинств альманаха заключается в том, что в нем отражена специфика Биробиджана, ЕАО и ее строителей. В качестве основных трудностей в работе была названа острая нехватка квалифицированных переводчиков с еврейского языка, что затрудняло участие еврейских писателей в журнале Хабаровского края «Дальний Восток».

В 1947 г. вышел третий номер альманаха «Биробиджан». Но выпуск альманаха был сопряжен финансовыми трудностями. Облисполком принял 3 июля решение «обеспечить до конца года выпуск не менее двух номеров альманаха «Биробиджан» [4]. В этом номере опубликованы произведения биробиджанских авторов. Кроме уже названной

пьесы Б. Миллера «Он из Биробиджана», очерк Л. Вассерман о первостроителях «Четверка», поэтические произведения Х. Мальтинского, И. Бронфмана, И. Эмиота. После посещения Биробиджана И. Фефер опубликовал цикл стихов «Начало». И.С. Фефер (1900–1952). В 1936 г. уже приезжал в Биробиджан. Творческим итогом его знакомства с областью стал поэтический сборник «На Дальнем Востоке». А также напечатаны стихи И. Керлера, Д. Гофштейна. Опубликованы воспоминания Б. Слуцкого о Менделе Мойхер-Сфорима (псевдоним основоположника еврейской литературы на идиш, писателя Я.А. Шолом, его имя носил колхоз в Октябрьском районе области).

Начавшаяся в 1948 г. «война с космополитизмом» прямым образом коснулась судеб творческой интеллигенции области. 17 марта 1948 г. было принято постановление бюро крайкома ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в парторганизации ЕАО». 27 – 28 марта 1948 г. состоялась **VI областная партийная конференция**. В отчетном докладе первого секретаря обкома ВКП(б) были отмечены серьезные недостатки во всей идеологической работе [5]. В стране уже были ликвидировано издательство «Дер Эмес», закрыта газета «Эйникайт», распущены объединения еврейских писателей в Москве, Киеве, Минске. В названных городах уничтожены еврейские театры. Закрыты альманахи на еврейском языке – московский «Геймланд» и киевский «Дер Штерн».

Волна репрессий достигла Биробиджана не сразу. Еще в начале мая 1948 г. было проведено отчетно-выборное собрание Биробиджанской группы писателей, секретарем которой в течение восьми лет был Б. Миллер. Группа писателей реорганизовалась в литературное объединение писателей. Было избрано бюро объединения, его ответственным секретарем стал ответственный редактор альманаха «Биробиджан» еврейский советский поэт Хаим Израйлевич Мальтинский (1910). Его творчество стало известным еще до войны (тогда вышло около 10 книг стихов, рассказов, пьес для детей и юношества). Мальтинский участвовал в Великой Отечественной войне. Был репрессирован.

В 1948 г. успели выйти в свет четвертый и пятый номера альманаха «Биробиджан». С четвертого выпуска альманах стал органом объединения советских писателей ЕАО. В этом номере были представлены девять биробиджанских и шесть еврейских советских поэтов, писателей, критиков, живущих в Москве и на Украине (практически все они будут репрессированы в следующем, 1949 г.). Самым значительным произведением номера стала поэма Х. Мальтинского «Иосиф Бумажин». Ее герой – бывший стахановец биробиджанского обзостроительного завода, повторивший на исходе Великой Отечественной войны подвиг Александра Матросова и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Стихами были представлены в альманахе И. Эмиот, И. Бронфман, Л. Вассерман, И. Фефер, Г. Каменецкий, А. Платнер, М. Риап. Из прозы были напечатаны глава из нового романа еврейского писателя Х. Меламуда «Беспокойный характер», посетившего в 1948 г. Биробиджан Х.Г. Меламуд (1907), автор романов, повестей, очерков. Участник Великой отечественной войны. А также новелла киевского писателя Г. Полянкера «Шмая-разбойник» и очерки хабаровской писательницы Ю. Шестаковой «Там, где шумела тайга». Альманах включал статьи А. Фадеева и Е. Гельфан-

да памяти выдающегося мастера советской сцены С.М. Михозлса, рецензии на книги Д. Бергельсона, П. Тычины, М. Альбертона и И. Эмиота, информацию о работе Биробиджанского государственного еврейского театра им. Л.М. Кагановича. Завершался номер песней композитора С. Рабунского на слова И.Бронфмана.

Декабрьский, пятый (и как оказалось, последний) номер альманаха по иронии судьбы открывался публикациями памяти А.А. Жданова, далее шли статьи секретаря обкома ВКП(б) З. Брохина, председателя областного планового отдела М. Миневича, врача Я. Миценгендлера, посвященные Еврейской автономной области. Проза была представлена новеллами Г.Рабинкова «У кедра» и «Взглядом постороннего». Центральное место в альманахе отводилось новой поэме Х. Мальтинского «Двойре» и стихам А.Квитко. Альманах вышел в дни тридцатилетия комсомола, и это нашло отражение в его тематике. Комсомолу посвятили свои стихи И. Эмиот и И.Бронфман. В рубрике «Люди нашей области» увидели свет очерки Б. Миллера, Х. Меламуда, Л. Вассерман, В. Любиной. Раздел «Критика и библиография» знакомил читателей с рецензиями на произведения Э.Казакевича, И. Рабина, А. Вергелеса, М. Ройтмана. Завершался номер корреспонденцией Х. Шмаина «С киноаппаратом по Еврейской автономной области».

В 1949 г. область готовилась к юбилею. 15 марта бюро обкома приняло решение «О мероприятиях по подготовке к проведению 15-летия ЕАО». В их числе еще планировалось к 25 апреля выпустить юбилейный номер альманаха «Биробиджан» [6], несмотря на то, что вопросы ассигнований невозможно было решить (финансирование альманаха так и не было утверждено) [7].

Тем временем в стране шли репрессии. В 1949 г. были арестованы признанные мастера еврейской литературы. В тюрьме умерли И. Нусинов, Дер Нистер, Б. Слуцкий. Были расстреляны 12 августа 1952 г. П. Маркиш, Д. Гофштейн, Л. Квитко, И. Фефер, С. Персов, Д. Бергельсон.

Сгушалась политическая обстановка и в ЕАО. 25 июня 1949 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об ошибках секретаря обкома ЕАО т. Бахмутского и председателя облисполкома т. Левитина и о задачах областной партийной организации». В области проводился ряд решений, в большинстве своем они касались творческой общественности. Так, бюро обкома рассмотрело «Дело Б.С. Мейлера [8], Г.Б. Рабинкова [9], Н.М. Фридмана [10].

В июле прошла VII областная партийная конференция. На ней отмечалось, что «пущены на самотек важнейшие участки идеологической работы — газета «Биробиджанер штерн», альманах «Биробиджан», областной радиокомитет, газета «Биробиджанская звезда», краеведческий музей и др.» [11]. **В итоге в 1949 г. был закрыт последний и единственный на тот момент альманах на еврейском языке — «Биробиджан».** Все его ранее изданные номера — изъяты. Этому нашлось простое объяснение: «у нас в области для издания альманаха пока нет базы, ни читательской, ни, тем более, писательской» [12].

Всего с 1946 по 1948 г. вышло пять номеров альманаха «Биробиджан». 17 сентября 1949 г. Главлитом был утвержден приказ обллита ЕАО №7 от 10 августа 1949 г. «Об изъятии из библиотек общего пользования и книготорговой сети альманаха «Биробиджан» с 1946 по 1948 г. [13]. Началось изъ-

ятие облитом всех номеров альманаха из отдела еврейской литературы областной библиотеки, из переселенческого отдела, Амурзетской районной библиотеки, из книготорговой сети. Уцелевшие по каким-либо причинам издания в результате последующих чисток фондов были изъяты и уничтожены. В настоящее время автором обнаружено только восемь книжек альманаха «Биробиджан» в фондах областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема, областного краеведческого музея, архива краеведа Е.И. Кудиша, Дальневосточной государственной научной библиотеки и Государственного архива Хабаровского края.

С наступлением политической оттепели в 1956 г. был поставлен вопрос о восстановлении еврейской культуры. Еврейский культурный деятель Х. Сулер предложил проект восстановления еврейской культуры в СССР, который был рассмотрен на заседании бюро обкома. Проект предусматривал восстановление еврейских издательств, еврейских театров, издание еврейских газет, созыв конференции еврейских деятелей культуры страны. В списке семидесяти еврейских писателей были названы и биробиджанские авторы Г. Рабинков, Б. Миллер, С. Боржес, Л. Вассерман, Н. Фридман [14]. Были реабилитированы многие безосновательно гонимые журналисты.

В 1957 г. было организовано областное отделение Союза журналистов СССР. Тогда же секретарию обкома ЕАО была направлена докладная записка от редактора газеты «Биробиджанская звезда» Ф. Куликова о создании литературного объединения под руководством Хабаровского отделения Союза советских писателей СССР, при редакции областной газеты «Биробиджанская звезда» [15].

Таким образом, следует отметить позитивную роль альманаха «Биробиджан», который был единственным еврейским, литературно-художественным изданием в стране в послевоенный период. Это издание объединяло творческие силы не только области, но и страны. Просуществовав недолго — с 1946 по 1948 гг. — тем не менее, альманах сыграл большую роль в формировании на территории области еврейского литературного центра, проложил дорогу к книгоизданию в Еврейской автономной области, создал литературную среду.

Библиографический список

1. ГАЕАО. Ф. Р-1п. Оп.1. Д.293. Л.65.
2. ГАЕАО. Ф. Р-1п. Оп.1 Д.333. Л.163.
3. Там же. Ф. Р-1п. Оп.1. Д.343. Л.67.
4. ГАЕАО. Ф. Р-241. Оп.1. Д.1. Л.7.
5. ГАЕАО. Ф. Р-1п. Оп.1. Д.382. Л.66.
6. ГАЕАО. Ф. Р-1п. Оп.1. Д.439. Л.23.
7. Там же. Ф. Р-75. Оп.1. Д.303. Л.207.
8. Там же. Ф. Р-1п. Оп.1. Д.442. Л.41.
9. Там же. Д.443. Л.10.
10. Там же. Ф. Р-1п. Оп.4. Д.10. Л.10.
11. Там же. Ф. Р-1п. Оп.1. Д.432. Л.28.
12. Там же. Л.117.
13. Там же. Ф. Р-27. Оп.1. Д.14. Л.19.
14. Там же. Ф. Р-1п. Оп.4. Д.379. Л.15.
15. Там же. Д.435. Л.1-7.

ЖУРАВЛЕВА Ольга Прохоровна, директор Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.12.06 г.
© Журавлева О.П.

Омский научный вестник № 1 (51) 2007

Высшее образование представляет собой сложную систему, для формирования которой — даже в рамках отдельного региона — требуется наличие совокупности предпосылок и причин, определяющих как саму возможность существования данной системы, так и некоторые черты, которые могут характеризовать ее облик в дальнейшем. В данной работе проведен анализ процесса становления структур высшего социально-гуманитарного образования в Кузбассе.

Высшее образование представляет собой сложную систему, для формирования которой — даже в рамках отдельного региона — требуется наличие совокупности предпосылок и причин, определяющих как саму возможность существования данной системы, так и некоторые черты, которые могут характеризовать ее облик в дальнейшем. В данной работе проведен анализ процесса становления структур высшего социально-гуманитарного образования в Кузбассе.

Кузбасс, как и любой другой регион, можно считать зеркальным отражением той глобальной политики, которая проводилась во всей стране в целом. Руководство предпочитало вкладывать денежные средства и развивать индустрию за счет социальной сферы. Однако «индустриальная реконструкция требовала улучшения некоторых условий жизни и общего повышения культурного уровня масс. Без первичного школьного образования и медицинского обслуживания, без перехода к городскому образу жизни не мог сформироваться работник индустриального типа»[1].

Развитие Кузбасса остро выдвигало задачу совершенствования не только экономики, но и культуры и народного образования. Право создания первого в Кузбассе педагогического вуза было предоставлено городу Новокузнецку. Этот выбор определялся удельным весом промышленности Новокузнецка в народном хозяйстве как страны (за годы первой и второй пятилеток город превратился в третий по значению, после Донбасса и Урала, центр черной металлургии СССР [2]), так и Кузбасса, перспективой дальнейшего развития этого города и численностью населения. В 1939 году в Новокузнецке проживало 169,5 тысячи человек, а в Кемерове — 133 тысячи [3].

Открытие в 1944 году Сталинского государственного педагогического института, способствовало быстрому развитию народного образования в Кузбассе. В 1953/54 учебном году количество общеобразовательных школ достигло 1966 и продолжало увеличиваться до 1973/74 учебного года. В 1953/54 учебном году в области было 353,4 тысячи учащихся, в 1963/64 учебном году — 585 тысяч. Соответственно в школах области работало 15,8 тыс. и 24,8 тыс. учителей. Росту числа высококвалифицированных педагогических кадров способствовало формирование на базе Кемеровского педагогического училища Кемеровского педагогического института [4].

Однако потребность в повышении образовательного уровня педагогических кадров в Кузбассе по-прежнему была чрезвычайно острой, НГПИ (Новокузнецкий государственный педагогический институт) и КГПИ (Кемеровский государственный педагогический институт) не обеспечивали запросы школ в учителях необходимой квалификации.

Из 20 тысяч учителей школ региона в конце 50-х годов высшее, незаконченное высшее и среднее педагогическое образование имели лишь 45,9 % человек. Без среднего образования в это время работало в школах менее 5 % [5].

Ситуация усугубилась с принятием 24 Декабря 1958 года Верховным Советом СССР Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [6]. В соответствии с этим законом в стране вводилось всеобщее обязательное восьмилетнее образование, что в свою очередь повлекло необходимость увеличения числа педагогических кадров.

Существовавшая долгое время традиция направлять в Сибирь выпускников из педвузов и университетов центральных районов страны не снимала дефицит в учителях, так как явка и закрепляемость этих специалистов были чрезвычайно низкими. К тому же в 1960-х годах начался процесс «старения» педагогических кадров. Доля специалистов со стажем менее 5 лет работы с 1956 по 1966 год оставалась неизменной и составляла 28 %, тогда как в 1976 году она снизилась до 20 % [7].

Таким образом, объективная необходимость расширения подготовки учительских кадров непосредственно в самом регионе преимущественно из числа местной молодежи по-прежнему стояла очень остро.

С целью удовлетворения растущих потребностей школ в учительских кадрах были открыты педучилища в Киселевске, Ленинске-Кузнецком, Белове, Кемерове. Но главный акцент был сделан на открытие на базе Кемеровского педагогического института Кемеровского государственного университета (КГУ). А так как Кемеровская область являлась одним из важнейших экономических районов республики с быстроразвивающимися отраслями народного хозяйства, и в Кузбассе выросли многочисленные кадры интеллигенции, то создание университета было не только подведением определенного итога культурного и промышленного развития области, но и предопределением новых путей становления Кузбасса [8].

Открытие университета разрешило проблему педагогических кадров ненадолго. Если в конце 70-х годов директорам приходилось отбиваться от

просьб принять университетских выпускников в школы Кемерово, то в начале 80-х годов, проблема педагогических кадров вновь стала одной из самых острых. В 92 школах области не было уроков иностранного языка, в школах не хватало 78 учителей биологии, химии, географии, 50 преподавателей русского языка и литературы, 69 математиков [9].

Для решения этой проблемы с 1982 года университет совместно с органами народного образования ввел в практику проведение встреч выпускников с руководителями тех районов, где будущие специалисты должны были работать.

В 1982/83 учебном году в Кемерове, Новокузнецке, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске открылись специализированные педагогические классы при средних школах и УПК с тем, чтобы появилась возможность тщательно подбирать и готовить к поступлению на соответствующие факультеты наиболее способных.

В результате среди поступающих в университет вырос конкурс, увеличилось число медалистов. Следовательно, появился большой потенциал для педагогического будущего Кузбасса.

Итак, в развитии высшей педагогической школы Кузбасса можно отметить те же закономерности, которые присущи развитию учебных педагогических заведений страны в целом. Однако было бы ошибкой не замечать своеобразие процесса становления и развития школы Кузбасса, как, впрочем, и других районов Сибири. Оно заключалось не только в том, что в этом районе значительно позже, чем в европейской России, начали открываться учебные заведения, но и в том, что здесь более медленными темпами развивалась сеть общеобразовательных и профессиональных школ.

Другой особенностью региона являлись низкая плотность и неравномерность распределения населения на отдельной его территории. Если в среднем по стране плотность населения в начале 1970-х годов была 11 человек, то в Западной Сибири в среднем - 5 человек [10]. Как и в других районах страны, здесь насчитывалось большое количество мелких населенных пунктов, разбросанных на огромной территории и находившихся на большом расстоянии друг от друга. Это серьезно осложняло строительство учебных заведений.

Следующая особенность состоит в том, что в Кемеровской области была велика текучесть кадров. Коэффициент текучести на предприятиях и в производственных объединениях здесь в 1978 году составил 24 % против 17 % в европейской части страны [11].

Говоря о факторах, оказывающих влияние на деятельность учреждений образования, нельзя не учитывать сурового климата Кузбасса, того, что здесь далеко не везде были созданы удовлетворительные культурно-бытовые условия.

Следующим направлением формирования социальной сферы, которое получило развитие в Кузбассе, стала медицина. В 1956 году в г. Кемерове был открыт медицинский институт. Его открытие было обусловлено недостаточной обеспеченностью Кузбасса врачебными кадрами (18 на 10 тысяч населения) и их высокой текучестью — ежегодно уезжали за пределы Кемеровской области более 100 врачей.

Появление медицинского института в Кемеровской области явилось крупным событием, значительно повлиявшим на здравоохранение Кузбасса

в целом. Начало работы каждого факультета вуза было продиктовано потребностями региона.

Кафедра хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии была основана в 1961 году в связи с открытием стоматологического факультета в Кемеровском государственном медицинском институте. С этого времени в Кузбассе зародилась совершенно новая специальность — хирургическая стоматология и челюстно-лицевая хирургия — и началась подготовка врачей по этой специальности.

Открытие кафедры и клиники позволило успешно решить актуальную проблему организации специализированного лечения большой категории челюстно-лицевых больных жителей Кузбасса, Томской, Новосибирской областей, Алтайского и Красноярского краев, помощь которым раньше вынужденно, из-за отсутствия специалистов, оказывалась в общехирургических отделениях. А стоматологический факультет института получил прекрасную учебную базу для подготовки врачей-стоматологов.

В 1963 году был открыт медико-профилактический факультет. Необходимость создания факультета также была обусловлена особенностями развития Кузбасса. Занимая 4% территории Западной Сибири, Кемеровская область давала более 20% промышленной продукции региона. Шло интенсивное развитие предприятий угольной, металлургической, химической, машиностроительной промышленности, энергетики и других отраслей. Более 85% населения проживало в городах, которые интенсивно строились и развивались. Для предупреждения неблагоприятного влияния техногенного загрязнения окружающей среды на здоровье населения необходимо было развивать санитарно-противоэпидемическую службу и обеспечивать подготовку квалифицированных специалистов. Все перечисленное и являлось основанием для открытия факультета [12].

В 1979 году в Кемеровском медицинском институте открылся фармацевтический факультет. Желая стать фармацевтами было в 2,2 раза больше, чем мог принять институт. Нужда в работниках этого профиля была немалая. По данным областного аптекоуправления, Кузбасс нуждался как минимум в пятистах провизорах с высшим образованием [13].

С первых лет работы КГМИ был не только кузницей медицинских кадров, но и сосредоточием научных школ и направлений. Тематика научных исследований формировалась на основе запросов жизни. Уже с первых лет существования института было начато изучение краевой патологии (кафедра биологии, зав.- профессор Е.Д. Логачев). С ростом института, созданием кафедр эта работа резко расширилась — широко исследовались вопросы заболеваемости рабочих, прежде всего краевой патологии (кафедра пропедевтики терапии, зав.- доцент А.Л. Каганов), госпитальной терапии — проф. А.А. Короленко, акушерства и гинекологии — проф. Л.А. Решетова, нервных болезней — проф. А.Н. Шаповал и многие другие.

Сотрудники института принимали деятельное участие в повышении качества медицинского обслуживания трудящихся Кузбасса. Если в 1961 году было проконсультировано 14 тыс. больных, то в 1966 году — 30 тыс. больных, в 1979 году — 44 тыс. Созданная при институте секция областного общества «Знание» проводила лекторскую работу: в 1964 году сотрудниками и студентами было про-

читано более 2 тысяч лекций для населения, в 1970 году — более 5 тысяч лекций [14].

В целом за 20 лет своего существования институт подготовил около 7 тысяч врачей, почти 5 тысяч из них работало в области [15]. Таким образом, институт выполнил задачу, для решения которой он был открыт, — здравоохранение Кузбасса стало получать «свои» врачебные кадры.

Важным событием в развитии высшего образования Кузбасса стало открытие в 1969 году Кемеровского государственного института культуры. По объему промышленного производства Кузбасс — традиционно ресурсодобывающий регион — занимал ведущее место в России, тогда как его социально-культурная сфера характеризовалась значительным отставанием — исторически сложился уникальный даже для Сибири разрыв между уровнем экономико-промышленного потенциала и развитием социально-культурной сферы.

В 1969 году, когда возникла мысль о создании в Западной Сибири института культуры, ряд крупнейших городов, в числе которых были Новосибирск, Красноярск, Омск, Томск, Барнаул, боролись за право стать родиной «новых духовных Гомеров». В этом споре неожиданно для всех победил город Кемерово, предоставивший самые весомые аргументы. Логически индустриальный центр должен быть и культурным. Статистически в Кузбассе существовало 800 клубов и дворцов культуры, шесть профессиональных и сорок народных театров, 1180 библиотек, а специалистов с высшим образованием почти не было. Наконец, было заявлено, что уже готово здание для института. Хотя столичным инспекторам показали пятиэтажное здание по ул. Спортивной, 31, предназначенное в качестве общежития совсем для другого учебного заведения [16].

В результате 11 июля 1969 года было принято постановление № 507 Совета министров РСФСР об открытии Кемеровского государственного института культуры [17].

При этом перед новым институтом ставилась задача подготовки кадров культурно-просветительных работников не только для Кузбасса, но и для Алтайского и Красноярского краев, Томской и Новосибирской областей. В октябре 1969 года начали занятия 330 студентов очного и заочного отделений, обучением которых занимались пять кафедр, 25 преподавателей [18].

Открытие Кемеровского государственного института культуры было значимым событием не только для Кемеровской области, но и для всей страны. Институт первым в стране создал кафедру автоматизированных библиотечных систем и вычислительной техники, на базе которой осуществлялся выпуск технологов автоматизированных информационных систем, способных работать с компьютерными информационно-библиотечными системами, владеющих методами аналитико-синтетической переработки информации.

В числе первых в стране в вузе была создана кафедра кинофотомастерства, которая являлась единственной среди институтов культуры Сибири. Следовательно, Кемеровский государственный институт культуры явился в Западной Сибири первым вузом культуры, который осуществлял профессиональную подготовку высококвалифицированных специалистов клубной и библиотечной работы.

Итак, Кемеровской областью накоплен немалый опыт в формировании образовательной системы и регулировании образовательных процессов.

Формирование системы социально-гуманитарного образования на первом этапе (1930-1950 гг.) в большей степени определялось потребностью ликвидации безграмотности населения и низким образовательным уровнем работающих педагогов (к 1938 г. в Западной Сибири более 2/3 учителей не имели педагогического образования, из них более половины не кончили даже средней школы [19]), на втором этапе (1960-1980 гг.) — необходимостью развития социальной инфраструктуры региона.

В целом, вследствие планомерного и рационального развития системы высшего образования в Кемеровской области, к середине 1980-х годов, Кузбасс стал одним из развитых в научном, образовательном и социально-экономическом отношении регионов страны и имел возможность самостоятельно обеспечивать область высококвалифицированными специалистами.

Библиографический список

1. Гордон Л.А. Что это было / Л.А. Гордон, Э.В.Клопов. - М.: Мысль, 1989. - С.83.
2. Малыгин В.Т., Кытманов А.Я. Из истории Новокузнецкого государственного педагогического института / В.Т. Малыгин, А.Я. Кытманов // Новокузнецку — 50. - Новокузнецк, 1981. - С.90.
3. Смоловин И. Кузница инженерных кадров / И. Смоловин // Кузнецкий рабочий. 1965. 5 января.
4. Касаткина Н.Э., Невзоров Б.П. Кемеровская область: Энциклопедия образования в Западной Сибири: В 3 т. - Барнаул, 2003. Т. 1. - С.160.
5. Сычева Т.А. Подготовка педагогических кадров для школ в Кузбассе в 30-50-е годы / Т.А. Сычева. - Кемерово, 2000. - С.168.
6. Развитие народного образования в Западной Сибири за годы Советской власти: Энциклопедия образования Западной Сибири: В 3 т. - Барнаул, 2003. Т. 1. - С.49.
7. Белоусова Ю.Е., Жеребцова О.А., Третьяк С.Н. Из истории образования Кемеровской области / Ю.Е. Белоусова, О.А. Жеребцова, С.Н. Третьяк // Дорога длиною в три века. Страницы истории образования в Кузбассе. - Кемерово, 1999. - С.61.
8. Большого плавания // Кузбасс. 1974. 4 декабря.
9. Шатская Т. Учитель, пред именем твоим / Т.Шатская // Кузбасс. 1982. 20 января.
10. Просвещение в Западной Сибири (XVIII-XX вв.): Энциклопедия образования в Западной Сибири: В 3 т. - Барнаул, 2003. Т.1. - С.8.
11. Просвещение в Западной Сибири (XVIII-XX вв.): Энциклопедия образования в Западной Сибири. В 3 т. - Барнаул, 2003. Т.1. - С.9.
12. Кемеровская государственная медицинская академия. Страницы истории / Сост. Н.А.Барбараш, В.В. Сырнев. — Кемерово: МЗ РФ: КГМА, 2002. - С.16.
13. Яковлева И. Еще один факультет / И.Яковлева // Кузбасс. 1979. 5 августа.
14. Историческая справка Кемеровского государственного медицинского института за 1956-1971 гг. // ГАКО. - Ф. Р-1010.-Оп. 1.- Д. 355.- Л. 28.
15. Владимирова В. Кемеровскому медицинскому — 20 лет / В. Владимирова // Кузбасс. 1976. 1 декабря.
16. Туев В. Зрелая молодость института / В.Туев // Известия. 1995. 20 апреля.
17. Об организации государственного института культуры в городе Кемерово: Постановление правительства РСФСР от 11 июля 1969 г. / Сборник постановлений правительства РСФСР 1969г. - №18. - С.319.

18. Брюхов В. Молодость института / В. Брюхов // Кузбасс. 1979. 27 июля.

19. Аитов Н.Х. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по решению проблемы педагогических кадров в предвоенные годы (1936-июнь 1941г.) / Н.Х. Аитов // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1968. - С.179.

ЛИПУНОВА Лариса Викторовна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.12.06 г.
© Липунова Л.В.

□□□ 39(571.1= 112.2)

<div></div>	.	<div></div>	.	<div></div>	<div></div>	<div></div>	<div></div>	<div></div>	<div></div>
-------------	---	-------------	---	-------------	-------------	-------------	-------------	-------------	-------------

□ □

□ □ . □ □ . □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

[illegible]

□ □ □ □ □ □ □ □   □ □ □ □ □ □ □ □

XX - **XXI** .

В статье дается подробный анализ родильно-крестильной обрядности. Рассматривается механизм социализации немецкого ребенка как в семье, так и общественными институтами, с выделением различных моделей этого процесса.

Этнография детства относится к числу актуальных тем, изучаемых этнографической наукой. Обряды детского цикла занимают одно из важнейших мест в культуре любого народа, без их изучения невозможно воссоздать полную картину духовной культуры народа. Тема детства в последнее время все интенсивнее разрабатывается в этнографии, истории, педагогике, психологии, социологии и других науках. Стремление исследователей к комплексному изучению проблем, связанных с детьми, ведет к созданию целостной концепции детства, но при этом изучение мира ребенка далеко от своего завершения, так как он очень разнообразен.

Объем статьи не позволяет в полной мере осветить все аспекты этнографии детства немецкого населения Западной Сибири, поэтому мы выделим два основных блока и остановимся на них подробнее. Это родильно-крестильная обрядность и механизм социализации немецкого ребенка.

Основным источником для изучения этнографии детства немецкого населения послужили материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета, проводившихся в 1989-2006 гг. в сельских населенных пунктах, в местах компактного проживания российских немцев в Кемеровской, Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае.

Проведенный анализ немецкой обрядности позволяет выделить несколько ее элементов. Во-первых, это элементы, заимствованные у окружающего, в основном русского населения. Во-вторых, это религиозные элементы, связанные с христианским учением. Без церковных обрядов или молитвенного собрания не обходится ни одно более или менее значительное событие в немецкой деревне. И в-третьих, это архаичные, дохристианские элементы, частично осуждаемые церковью, смысл которых уже утрачен, но они продолжают исполняться по традиции. Эти обряды и обычаи, бытовавшие в германских землях в XVIII в., в современ-

ной Германии унифицированы либо полностью утрачены. В Сибири же, в условиях иноэтничного окружения и изоляции от метрополии, они были законсервированы и представляют уникальную возможность для реконструкции традиционной немецкой обрядности. Это в равной степени относится и к календарной, и к семейной обрядности, в том числе и детской, немцев Сибири [1].

Родильно-крестильная обрядность немецкого населения Западной Сибири. Рождение ребенка считалось важным событием в семье. Его ждали и к нему готовились. Каждый ребенок – «подарок Божий», а прерывание беременности считалось одним из тяжких грехов, как и применение средств, препятствующих деторождению: «Бог дал, он и поможет вырастить», – говорят немцы [2]. С каждым ребенком женщина учится терпению, мудрости, происходит её духовный рост. И непременно она приобретает материнский опыт, совершенствуется в выполнении своего предназначения» [3]. Детей в немецких семьях было много, нередко 8 – 12 человек. Матери гордились тем, что у них много детей, которые в будущем станут помощниками. Чуть больше в семье ждали мальчиков, особенно первого, который должен стать наследником, от них во многом зависело благосостояние семьи.

Традиционно родильная обрядность делится на три периода: дородовой, роды, послеродовой. Большинство обрядов дородового периода — это запреты, которые необходимо было соблюдать женщине во избежание негативных последствий. Запреты в большинстве своем представляют собой короткие высказывания, строящиеся по лексической модели: «если..., то», т.е. включают непосредственно запрет, указание, примету и его результат, последствия нарушения. Например, женщина не должна была удалять зубы, так как ребенок будет беззубый, или же стричь волосы, в противном случае ребенок будет лысым [4]. Во время беременности ей нельзя было прасть, вязать, шить. Считалось, что

она прядет веревку для ребенка и запутывает его в пуповине. Нельзя было сидеть на корточках или перегибаться через что-либо, потому что ребенок переворачивается внутри и опять же запутывается в пуповине. Нельзя было принимать участия в похоронах или просто смотреть на мертвого. Аналогичные запреты существовали вплоть до конца XIX в. во многих землях Германии [5]. Кроме иррационального смысла, во многих запретах присутствовало рациональное зерно, в первую очередь — это желание предохранить женщину от испуга, расстройства, какой-либо травмы.

Кроме запретов в дородовой обрядности можно выделить еще один блок обрядов, направленный на определение пола будущего ребенка. Например, во время свадебной церемонии у невесты воровали туфлю, если она снималась легко, то и роды будут легкими. Поэтому было не принято сопротивляться, когда туфлю воровали [6]. Беременная женщина могла определить пол ребенка по форме живота: если он плоский, то родится девочка, если острый — мальчик. Считалось, что по лицу женщины также видно кто у нее родится, так как девочка у матери забирает красоту — появляются пятна, кожа становится нечистой, а с мальчиками все наоборот. Как и в случаях с запретами, эти приметы также имели место в германских землях [7]. Но нужно отметить, что в Сибири они просуществовали до середины XX в., отчасти они бытуют и сегодня.

Немцы считали, что предварительные приготовления к рождению ребенка могут быть опасными, так как они могли вызвать преждевременные роды или сложное их прохождение. Женщина могла приготовить только несколько пеленок, все остальное приданное ребенка шили уже после его рождения [8].

Второй период в родильной обрядности — непосредственно процесс родов. С началом схваток посылали за повитухой, именно она выступала основной помощницей женщины при родах. В сибирских немецких диалектах существует несколько обозначений для термина «повитуха»: *Amme* (оме), *Mutter* (мутер), *Grossmutter* (гроссмутер), *Wehmutter* (веймутер), *Prauhmutter* (праухмутер), *Hiwm* (хивм), *Hebamme* (хейбоме) [9]. При тяжелых родах повитухе помогали опытные женщины, не раз сами рожавшие. В исключительных случаях при рождении ребенка мог присутствовать отец, он держал роженицу за руку, считалось, что тем самым он передает необходимые ей силы [10].

С приближением самого рождения исполняли обряды, которые были призваны облегчить течение этого процесса. Например, развязывали все узлы и пояса, открывали двери в доме. Роженица должна была распустить волосы, но платок не снимать [11].

Родильное место находилось чаще всего в спальне. Повитуха принимала ребенка, перерезала и завязывала пуповину. Для этой цели у повитух имелись инструменты: остро наточенный нож; дощечка, которая подкладывалась под пуповину, чтобы было легче ее перерезать; шелковые нити для завязывания пуповины, их повитуха обычно хранила в баночке со спиртовым раствором. В полевых материалах содержатся сведения, о том, что повитухи при необходимости выполняли некоторые хирургические операции, например кесарево сечение при сложных родах, или зашивали разрывы у роженицы [12].

Затем повитуха обмывала мать и купала ребенка. Ребенка купали в растворе ромашки с добавлением небольшого количества соли как антисептического вещества. Купание было первым очистительным обрядом, во время которого повитуха произносит и первую молитву над ребенком. В случае необходимости повитуха могла править головку новорожденного. Ребенка отдавали матери, чтобы он успокоился и в течение первых двух дней он должен спать рядом с матерью, потом его можно переложить в люльку, которая обычно стояла рядом с кроватью родителей.

Основными чертами послеродового периода можно считать заботу о здоровье матери и младенца, а также очистительные обряды. Повитуха последующие три дня приходила в дом новорожденного. Мать ребенка в течение 9 дней не должна вставать с кровати. Немецкие женщины считают, что первые три дня с кровати вставать нельзя, с 4 по 7 день можно выполнять какую-нибудь несложную работу, например, шить приданое малышу, но не долго, а 8-9 дни считались критическими, так как «идет восстановление организма, все у женщины встает на свои места» [13]. В эти дни у роженицы повышается артериальное давление, наблюдается сердечная и почечная недостаточность. Немцы говорят, если видят, что женщина встала до истечения этого срока: «*Schafche ist kluel vederminich*» (Овечка умнее, чем человек) [14]. В это время за новорожденным ухаживает его бабушка или сестры матери. Для роженицы готовят *nudelsuppe* (нудельсуп) или *schnitzesuppe* (шницсуп) и пшеничную кашу [15]. В этот период каждый день приходит повитуха и следит за здоровьем матери и ребенка. «Правит живот», то есть делает массаж, женщина в этот период должна носить «набельбант». Для ребенка шили специальные повязки на живот, предохраняющие от грыжи [16]. Повитуха за свою работу получала деньги или же продукты. Кормление ребенка происходило стихийно, то есть когда он начинал капризничать, тогда ему и давали грудь.

Лютеране и католики Сибири предпочитают через несколько дней после рождения окрестить ребенка. Крещение воспринимается лютеранами как вода возрождения, крещеный человек как бы вновь рождается во Христе, ему прощаются грехи и он освобождается от власти зла [17]. Крещение считается обязательным условием спасения, поэтому ребенка следует крестить как можно раньше, связано это с высокой детской смертностью, «нужно покрестить, чтобы душа нашла себе место и не летала как свеча» [18]. Кроме того, крещение должно сделать ребенка спокойнее. Такие же представления существовали в некоторых районах Германии. Там считали, что ребенок, умерший некрещеным, превращается в блуждающий огонек или душа его попадает в войско Водана или Фрау Холле и носится по воздуху. В некоторых районах Германии для умерших некрещеными детей на церковном дворе огораживали специальное место, которое называлось «кладбищем невинных детей» [19]. В Сибири же для детей, умерших некрещеными, на общем кладбище отводилось специальное место, считалось, что их души могут беспокоить души других умерших.

Крещение происходило в церкви, куда родители приносили ребенка, а затем передавали «крестным», которые должны были его держать во время церемонии. Крестными могли быть бабушка, дедушка ребенка и другие родственники

или друзья семьи, как замужние, так и холостые. У новорожденного мог быть как один крестный, так и четыре, обычно же их было два. Это была почетная обязанность, от которой не принято было отказываться. Они должны помогать ребенку, если что-то случалось с его родителями. Крестные дарили своему крестнику подарки на праздники – Рождество, Новый год.

В некоторых отдаленных деревнях ребенка могла окрестить повитуха или женщина, которая этим занимается. Например, в с. Литковка Тарского района Омской области этим занимались Отилия Грузляк и Эмма Эндлер, после её смерти – Отилия Эндлер (дочь) [20]. После обряда крещения все присутствующие приглашались на «крестильный обед». Готовили все, что хотели, можно употребить немного алкоголя. Это было праздничное событие в семье, как и само рождение ребенка. Раньше на крестины приглашали всех желающих, но постепенно круг стал ограничиваться родственниками и близкими знакомыми.

У меннонитов и баптистов крещение происходило в сознательном возрасте, но подготовка к этому событию начиналась с первых лет жизни ребенка.

В таком виде родильно-крестильная обрядность просуществовала до 1950-х гг., с распространением больничной сети и развитием здравоохранения женщины стали рожать в больничных условиях. Хотя информация об этом цикле обрядов еще присутствует в памяти информаторов.

Механизм социализации немецкого ребенка. На протяжении XX в. под влиянием политических и социальных факторов происходят изменения механизмов и содержания социализации ребенка в немецкой семье.

Традиционная этнопедагогическая модель была перенесена немцами из германских земель в колонии на Украине, Поволжье, Волыни, а затем и в Сибирь. В первые годы жизни различия по уходу за мальчиками или девочками не были существенными. Ребенком занималась мать, отец почти не принимал участия в воспитании на начальном этапе и включался в воспитательный процесс, когда ребенку исполнялось 5-7 лет и он начинал осваивать хозяйственные функции. Если же мать вынуждена работать, то за ребенком следили его бабушка или же старшие дети.

Важное место в традиционной этнопедагогике занимало приучение ребенка к труду. Примерно в возрасте 2 – 3 лет ребенка привлекают к выполнению посильных обязанностей, тем самым вовлекая в хозяйственную деятельность семьи. Девочки в этот процесс включаются раньше, чем мальчики, и рассматриваются в качестве основных помощниц матери в домашних делах, а сыновья должны стать помощниками отца и выполнять более тяжелую работу. К 7 – 8 годам у детей формируются постоянные хозяйственные обязанности, они выполняют посильную их возрасту работу (присмотр за младшими, выпас и уход за домашними животными, мытье посуды и т.д.) В этом возрасте уже можно говорить и о разделении труда на женский и мужской.

Важным компонентом немецкой этнопедагогики является религиозное воспитание ребенка. На раннем этапе оно очень ненавязчиво. Родители берут ребенка с собой на религиозные собрания, «чтобы все в себя впитывал». В меннонитских общинах нет никаких возрастных ограничений, ка-

сающихся посещения собраний. Мать могла приносить на молитвенное собрание даже грудного ребенка, она только должна была следить за тем, чтобы ребенок не мешал другим прихожанам. В возрасте 4-5 лет дети пели в хоре. Кроме этого, существовали воскресные школы. На этом этапе с детьми в основном занимаются матери, которые поют своим детям песни из «Книги гимнов», вместо сказок рассказывают библейские истории или нравоучительные притчи из жизни. Последнее в большей степени относится к меннонитам и баптистам, чем к католикам и лютеранам.

В семьях существовала традиция обязательно чтения Библии по вечерам. В результате к 14 годам ребенок осознанно принимал веру. Привлечение ребенка с раннего возраста к участию в жизни общины, изучение ребенком во всех подробностях своей религии, которую он считал самой правильной, приводило к тому, что ребенок начинал идентифицировать себя с определенной конфессиональной общностью (меннонитами, баптистами, лютеранами и католиками). Религиозные собрания и участие в жизни общины становилось неотъемлемой частью жизни человека, и исключение из общины рассматривалось как одно из самых тяжелых наказаний.

Традиция обязательного начального образования детей играла в этом процессе ведущую роль. Так как крещение у меннонитов и баптистов происходило в сознательном возрасте, основным условием при этом являлось осознание и принятие основных постулатов веры. К моменту крещения ребенок должен был знать и понимать Библию, что делало необходимым его обучение. Через 1-3 года после переселения в Сибирь в меннонитских селах открывалась школа; этого времени было достаточно, чтобы построить отдельное здание для неё (часто молитвенный дом и школа были совмещены), как правило, занятия начинались уже в первую зиму на дому у учителя. Как и в материнских колониях, обучение было платным, за детей-сирот и тех детей, чьи родители были не в состоянии оплачивать обучение, платила община [21].

В немецких семьях обязательным являлось почтительное отношение к родителям и старшим членам семьи. В этом смысле отличительной чертой немцев всегда был обычай обращения детей к родителям в уважительной форме «Zie» (вы), как и по отношению ко всем лицам, старшим на десять и более лет. Переход к этой форме общения детей со старшими поколениями начинался только тогда, когда у ребенка появляются навыки разговорной речи и способность отвечать за свои действия. «Дети очень уважительно относились к родителям, не в праве были грубить им или не повиноваться. Никогда не называли на «ты», всегда только «вы». Мы всегда знали свои обязанности, долг, и должны были оставаться покорными перед своими родителями и старшими» [22].

Приемы и средства народной педагогики имели различный характер. Наряду с поощрением, похвалой, убеждением, практиковались запреты и наказания, в том числе и физические. Одним из действенных способов коррекции нежелательного поведения ребенка было его «устрашение» Божиим гневом, грехом. Считалось, что ребенок должен воспитываться в строгости, его нельзя баловать и потакать капризам.

Со второй половины 1930-х гг. механизм социализации изменяется. Как уже отмечалось, большое

значение в процессе социализации немецкого ребенка имели и вторичные агенты - это школа и религиозная община. Немецкая национальная школа фактически прекратила свое существование с 1937 г. Преподавание в школах было переведено на русский язык. В результате ребенок сталкивался с различными трудностями. При поступлении в школу большинство детей не знало русского языка, первый год они тратили на его освоение. Проблема не владения русским языком немецкими детьми сохранялась вплоть до 1960-х гг. В первом классе они осваивали новый для них язык, что замедляло процесс обучения, некоторые из них оставались на второй год. Последствием этой политики были усиление межэтнических контактов и развитие билингвизма у немцев Западной Сибири.

Так как традиционная школа носила конфессиональный характер, а с начала 1930-х гг. этот компонент был полностью исключен из программы, в результате многие родители просто отказывались посылать своих детей в школу, где им не преподавался Закон Божий. Таким образом, изменилась структура религиозной социализации ребенка.

Планомерная антирелигиозная политика государства приводила к тому, что детей перестали брать на религиозные собрания. Единственным путем приобщения младшего поколения к религиозно-духовной жизни было общение с взрослыми родственниками. По воспоминаниям информаторов, взрослые продолжали молиться дома, иногда собирались группами для молитв, не рассказывая малышам, что они делают. В целом, хотя исполнение обрядов религиозного содержания не исчезло, была затруднена прямая трансляция духовных ценностей. Полностью исключить этот компонент из системы воспитания немцы не могли, так как считали его одним из важнейших, но он приобрел латентный характер. В настоящее время верующие семьи гордятся тем, что семья сохранила культуру старшего поколения и часто делятся воспоминаниями о том, как им было трудно это сделать.

С начала 1990-х гг. отношение к немецкому населению стало меняться: проведена реабилитация, организованы национальные районы, предоставлена возможность эмиграции в Германию. Все это также повлекло изменение механизмов и целей этнической социализации. Принадлежность к немецкому народу перестала быть опасной, напротив, быть немцем стало почетно. Это подтверждает тот факт, что дети из смешанных семей все чаще выбирают национальность — немец.

Проводится значительная работа по возрождению немецкой культуры, в некоторых школах введено обучение немецкому как родному языку. Это дает возможность ребенку познакомиться с культурой своего народа. Нам кажется, заслуживает внимания опыт возрождения немецкой культуры в с. Ананьевка Кулундинского района Алтайского края. Приобщение к национальной культуре начинается в детском саду, где с детьми проводят национальные праздники, разучивают с ними немецкие стихи, считалки, песни, игры. Материал для заня-

тий собран воспитателями у старожилов деревни и соответствует локальным особенностям сибирских немцев. С детьми разговаривают на платтдойч, то есть том диалекте, который распространен в деревне. Наряду с русским языком, который чаще всего бытует в семье, ребенок осваивает и первые фразы на своем родном диалекте. При детском садики существует немецкая комната, в которой собраны предметы немецкого быта, там проходят занятия с малышами, а также встречи с людьми пожилого возраста. В школе же существуют факультативы, дающие возможность ребенку закрепить знания диалекта и выучить немецкий литературный язык. Несомненно, все это способствует росту этнической осведомленности и формированию положительной оценки своей этнической идентичности.

При всех положительных начинаниях, число мигрантов в Германию, по-прежнему, остается высоким. Перед ребенком эмигрантов возникают проблемы адаптации в новой культурной среде, с которыми он не всегда может справиться без помощи специализированных организаций.

Библиографический список

1. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. — Омск: ИЦ «Русинко», 2002. — С.125-126.
2. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (далее МАЭ ОмГУ). Ф. — I. 1997. Д. 104 — 3. Л. 16.
3. Там же. 2000. Д. 151 — 7. Л. 25.
4. Там же. 2002. Д. 157 — 2. Л. 23.
5. Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Западной Европы. — М.: Наука, 1999. — С.164.
6. Смирнова Т.Б. Традиционная обрядность немцев Сибири. — Омск: Издательство ОмГПУ, 1998. — С.97.
7. Рождение ребенка... — С. 165.
8. МАЭ ОмГУ. Ф. - I. 2004. Д. 167 — 1. Л. 43.
9. Там же. 1996. Д. 174 — 1. Л. 18; 1999. Д. 149 — 2. Л. 31; 2000. Д. 151 — 7. Л. 25; 2002. Д. 157 — 2. Л. 14; 2006. Д. 188 — 1. Л. 8.
10. Там же. 1996. Д. 174 — 1. Л. 18.
11. Там же. 2002. Д. 157 — 2. Л. 14.
12. Там же. 2006. Д. 188-1. Л. 6.
13. Там же. 2000. Д. 151 — 7. Л. 1.
14. Там же. 2000. Д. 151 — 7. Л. 37.
15. Там же. 2000. Д. 151 — 7. Л. 24.
16. Там же. 2002. Д. 157 — 2. Л. 19.
17. Лютеранство / Народы и религии мира: Энциклопедия. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. — С.761-762.
18. МАЭ ОмГУ. Ф.- I. 2000. Д. 151 — 7. Л. 3
19. Рождение ребенка... С.172.
20. МАЭ ОмГУ. Ф. — I. 2006. Д. 188 — 1. Л. 8.
21. Черказянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в XVIII — XX вв.). — СПб., 2004. — С.89-95.
22. МАЭ ОмГУ. Ф. — I. 1999. Д. 149 — 2. Л. 31.

БЛИНОВА Анна Николаевна, ассистент кафедры этнографии и музееведения.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.12.06 г.
© Блинова А.Н.

Книжная полка

Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918-1922 гг.: Сб. документов /Отв. ред. Л.Б. Милякова; Отв.сост. И.А. Зюзина и др. — М.: РОССПЭН, 2007. — 995 с.